АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Евразийство и Россия: современность и перспективы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

«ЕВРАЗИЙСТВО — идейно-политическое и философское течение в русской эмиграции 1920-30-х гг. Началом движения стал выход сборника “Исход к Востоку” (София, 1921) молодых философов и публицистов Н.С.Трубецкого, П.Н.Савицкого, Г.В.Флоровского и П.П.Сувчинского. Историофилософская и геополитическая доктрина евразийства, следуя идеям поздних славянофилов (Н.Я.Данилевский, Н.Н.Страхов, К.Н.Леонтьев), во всём противопоставляла исторические судьбы, задачи и интересы России и Запада и трактовала Россию как “Евразию”, особый срединный материк между Азией и Европой и особый тип культуры. На 1-м этапе движения евразийцы осуществили ряд плодотворных историко-культурных разработок; однако затем евразийство всё более приобретало политическую окраску, наследуя “сменовеховству”[1] в признании закономерности русской революции и оправдании большевизма. Эта тенденция, усиленно проводившаяся левым крылом евразийства (Сувчинский, Л.П.Карсавин, П.С.Арапов, Т.П.Святополк-Мирский и др.), сочетавшаяся с проникновением в движение агентуры Государственного Политического Управления (Н.Н.Ланговой, С.Я.Эфрон и др.), вызывала протест другой части евразийцев и после ряда расколов на грани 1920-30-х гг. евразийство пошло на убыль» — сообщает энциклопедический сайт http://encycl.accoona.ru/?id=20576.

Как видно из этой энциклопедической статьи, её авторы:

- признают, что «евразийцы осуществили ряд плодотворных историко-культурных разработок»;
- однако при этом выражают неудовольствие тем, что впоследствии «евразийство всё более приобретало политическую окраску, наследуя “сменовеховству” в признании закономерности русской революции и оправдании большевизма».

---

[1] “Вехи” — сборник статей, вышедший в свет в 1909 г., в котором представители российской интеллигенции выразили свои мнения об итогах революции 1905 — 1907 гг. и политических перспективах. “Смена вех” — сборник статей, выпущенный в свет в 1921 г. в Праге представителями послереволюционной эмиграции, под впечатлением от революций 1917 г. и гражданской войны.

Что касается последнего, то:

По нашему мнению, если происходит переосмысление исторического прошлого, то неизбежно вслед за этим происходит и переоценка политических перспектив, и соответственно — вырабатывается некая новая политическая сценаристика, которая не могла бы возникнуть на основе прежних представлений об историческом прошлом.

Соответственно претензии кого-либо к тем или иным моделям исторического прошлого, оценкам политических перспектив и к политической сценаристике, а также практике её осуществления, никогда не носят абстрактно-академического кабинетного характера, а выражают недовольство одних практических политиков и их закулисных вдохновителей деятельностью чуждой им концептуальной власти, — состоявшейся уже в таковом качестве либо находящейся в процессе становления. Поэтому вопрос не в том, что евразийство стало выражать себя в политике, а в том, есть ли в нём какая-либо адекватность историческому прошлому и какие политические перспективы соответствуют этой адекватности.

Т.е. вопрос о евразийстве в прошлом, настоящем и его перспективах — это один из аспектов вопроса о концептуальной власти и концептуальной властности[1].

Что касается утверждения авторов приведённой выше энциклопедической статьи о том, что «евразийство пошло на убыль», то такая оценка в наше время недостоверна, хотя в период существования СССР (особенно в предвоенный и послевоенный период вплоть до государственного краха СССР в 1991 г.) евразийству, как одному из способов понимания истории, действительно не было места в политике бывшего Советского Союза, вследствие того, что СССР представлял собой специфическое выражение именно евразийства в политической практике, хотя и под лозунговыми прикрытиями идей «мраксизма»-ленинизма; а на Западе идеи евразийства были заправилам политики не нужны, поскольку подрывали идейную обоснованность политики государств Евро-Американского конгломерата в отношении не входящих в состав конгломерата регионов, включая и СССР.

После государственного краха СССР, сопровождавшегося утратой «мраксизмом»-ленинизмом положения монопольно культивируемой в обществе идеологии, в условиях социального кризиса — разные достаточно широкие слои общества проявили интерес ко всем ранее запретным в СССР социологическим теориям, в том числе — и к наследию основоположников евразийства, упомянутых в приведённой выше энциклопедической статье.

Но и ранее этого периода истории представители “элиты” советской интеллигенции — *в отличие от остальных граждан СССР* — имели возможность ознакомления практически со всей литературой, издававшейся во всём мире, как на основе доступа в спецхраны отечественных библиотек, так и на основе личных связей в кругах “элитарной” и потомственно клановой разнородной[2] интеллигенции и в СССР, и за рубежом.

Кроме того, поскольку процесс познания обусловлен объективными закономерностями, то, если некое явление объективно существует (или существовало и оставило свои следы), — неизбежно, что *независимо друг от друга* разные исследователи приходят к содержательно сходным в чём-то мнениям о нём, хотя их мнения, возможно, будут представлены в разных формах и затрагивать разные аспекты этого явления.

---

[1] Термин «концептуальная власть» следует понимать двояко: **во-первых**, как тот вид власти (если соотноситься с системой разделения специализированных властей), который даёт обществу концепцию его жизни как единого целого в преемственности поколений; **во-вторых**, как власть самой концепции (Идеи) над обществом (т.е. как информационно-алгоритмическую внутреннюю скелетную основу культуры и опору для всей жизни и деятельности общества).

В первом значении — это власть конкретных людей, чьи личностные качества позволяют увидеть возможности, избрать цели, найти и выработать пути и средства достижения избранных ими по их произволу целей, внедрить всё это в алгоритмику коллективной психики общества, а также и в устройство государственности. Все концептуально безвластные — заложники концептуальной власти в обоих значениях этого термина. Именно по этой причине в обществе концептуально безвластных людей невозможны ни демократия, ни права человека.

[2] Научной, технической, художественно-творческой и т.п.

В результате к моменту государственного краха СССР и марксистско-ленинского мировоззрения, евразийство обрело открытые возможности для развития своих теоретических воззрений в России и воплощения их в практическую политику. А вследствие действия двух ранее названных факторов (спецхраны и личные связи + объективность закономерностей познания) евразийство в России периода последнего десятилетия XX века — первого десятилетия XXI века — это уже не то евразийство, которое оставили в наследие потомкам его основоположники.

Главное приобретение евразийства наших дней — так называемая «теория этногенеза и пассионарности», изложенная в работах Л.Н.Гумилёва: прежде всего, в его книге “Этногенез и биосфера Земли”. Однако, при более внимательном разсмотрении, это приобретение предстаёт для евразийства не как достижение в его развитии, а как проблема, поскольку «по-евразийски мыслящая» общественность вульгаризировала «теорию пассионарности и этногенеза», после чего «съела» её вместе с неадекватным жизни понятийным аппаратом, не заметив ни совершённого ею акта вульгаризации, ни неадекватности её понятийного аппарата жизни, обусловленной своеобразием личности Л.Н.Гумилёва.

В материалах Концепции общественной безопасности (КОБ) «теория пассионарности» в изложении её Л.Н.Гумилёвым в книге “Этногенез и биосфера Земли” разсмотрена в работе Внутреннего Предиктора СССР (ВП СССР) “Мёртвая вода”[1] (т. 1, гл. VII. «Пассионарность»: биология и другие взаимовложенные процессы). Но поскольку настоящая записка посвящена евразийству, а теория пассионарности в настоящее время является неотъемлемой его составной частью, то для понимания наших претензий к евразийству как к теоретической основе делания политики, кое-что касающееся теории пассионарности, необходимо пояснить здесь в целях обезпечения самодостаточности настоящей записки для понимания.

Начнём с того, что сам Л.Н.Гумилёв *никогда* не экстраполировал в будущее действие теории пассионарности, но делал оговорку (по крайней мере она запомнилась по его устным выступлениям), что течение истории, её ритмика до начала XIX века согласуется с изложенной им теорией пассионарности.

Такая по содержанию оговорка является свидетельством того, что Л.Н.Гумилёв был человеком с довольно развитой интуицией, что и отличает его от приверженцев изложенной им «теории пассионарности», которые, не чуя течения жизни, экстраполируют действие теории пассионарности в будущее и на этой основе высказывают предположения о возможном течении политики и строят политическую сценаристику. Об этой оговорке Л.Н.Гумилёва не все знают (а знающие о её значимости не задумываются), причин её не выявляют и впадают в ошибку, вульгаризируя его наследие в своих интерпретациях.

Дело в том, что предсказуемость каких-либо явлений на основе соответствующих теорий предполагает, что характер течения процессов, описываемых теорией, обусловлен факторами, не изменяющими своего характера. Если же обуславливающие течение описываемых теорией процессов факторы, не учитываемые ею, изменяют свой характер в силу каких-либо причин, то теория перестаёт быть надёжным инструментом прогноза дальнейшего течения процессов, вызвавших интерес её потребителей.

Это касается и «теории пассионарности» в наши дни. Для всех прошлых эпох, историческая фактология которых была осмыслена Л.Н.Гумилёвым и послужила основой для утверждений, составивших во взаимосвязи «теорию пассионарности», было характерно то обстоятельство, что *через практически неизменный в технико-технологическом отношении мир проходили многие поколения людей.*

В отличие от тех эпох, в наши дни на протяжении жизни одного поколения успевают сменить друг друга несколько поколений техники, технологий, социально значимых знаний и навыков.

[1] Эта и другие упоминаемые далее в тексте работы ВП СССР публикуются в интернете на на сайтах http://www.mera.com.ru, http://kpe.ru, http://www.vodaspb.ru и http://www.globalmatrix.ru (2005 г.), а также распространяются на компакт-дисках в составе Информационной базы ВП СССР.

Этот переход от одного качества жизни к другому стал зрим именно с начала XIX века по мере того, как производство на основе преобладающего потребления биогенной энергии сельскохозяйственных растений и домашних животных, сменялось производством на основе преобладающего потребления техногенной энергии, вырабатываемой машинами. К середине XX века этот переход к подавляющему преобладанию потребления в производстве и быту техногенной энергии завершился (по крайней мере, в так называемых «передовых странах»), и началось ускоренное обновление технологий и техники.

В жизни обществ главную роль играет организация психики и психическая деятельность как личностей, так и коллективов. И если до начала XX века, один раз выучившись в детстве и юности чему-либо, этими знаниями и навыками можно было жить всю оставшуюся жизнь без опасения потерять социальный статус, обусловленный знаниями и навыками, то в наши дни поддержание социального статуса обусловлено способностью людей самостоятельно осваивать и вырабатывать необходимые знания и навыки в темпе возникновения в них потребностей. Те, кто к этому не способны в силу разных причин, — теряют свой социальный статус или выкашиваются из жизни потоком стрессов и ситуаций, в которых их поведение на основе свойственных им знаний и навыков оказывается неадекватным.

Если соотноситься с «теорий пассионарности», то различные фазы жизни этносов и суперэтносов характеризуются различием статистик разпределения населения по этико-психологическим типам, описываемым в «теории пассионарности». Изменение же характера воздействия на личность информационных потоков, циркулирующих в обществе, в наши дни означает, что не только динамика фаз этногенеза будет иной при сохранении им прежнего качества, но возможен и выход процесса этногенеза на новое качество, о котором в «теории пассионарности и этногенеза» Л.Н.Гумилёв ничего не говорит.

Одна из причин этого в том, что Л.Н.Гумилёв характеризует в «теории пассионарности» психотипы по видимым извне особенностям их поведения, а не по организации алгоритмики психики индивидов — носителей каждого из выявленных им психотипов.

Кроме того, беда самого Л.Н.Гумилёва была в том, что при очень широкой эрудированности его базовое образование было гуманитарным. В силу этого в тех вопросах, где требовалось понимание *общеприродных закономерностей бытия в их преломлении к жизни общества и биосферы и общефизических процессов,* он в ряде случаев писал откровенные глупости, которые присутствуют в тексте “Этногенеза и биосферы Земли”, и бездумно разпространяются её приверженцами, включая и евразийцев. К сожалению не нашлось никого, кто смог бы помочь Л.Н.Гумилёву в освоении естествознания и теории саморегуляции больших систем, что могло бы позволить ему избежать откровенного вздора в его версии теории этногенеза; а возможно, он бы смог поднять её на новый качественный уровень. Одна из глупостей — высказанный им так называемый «принцип неопределённостей в этнологии»:

«Начиная с XVII в., в физике дебатировался вопрос — состоит ли свет из частиц (корпускул) или представляет собой волны в эфире? Обе концепции имели столь серьёзные недостатки, что ни одна из них не могла возобладать. Спор был разрешён лишь в середине 20-х годов XX в. с появлением квантовой механики. Современные физики считают, что свет — не волна, не частица, а то и другое одновременно, и может проявлять обе группы свойств. На этой основе был сформулирован широко известный принцип неопределённости, согласно которому при наличии двух сопряжённых физических переменных (например, импульса и координаты или энергии и времени) может быть установлено значение той или другой, а не обеих вместе.

В этнических феноменах тоже налицо две формы движения — социальная и биологическая. Следовательно, тем или иным способом в том или ином аспекте может быть описана либо та, либо другая сторона сложного явления. При этом точность описания и его многосторонность взаимно исключают друг друга. Отметив это, применим принцип неопределённости к нашему “материалу”» (“Этногенез и биосфера Земли”, «Гидрометеоиздат», 1990 г., стр. 163).

Но нельзя же так! Во-первых, аналогия — не доказательство. Во-вторых, и аналогии-то нет, и кроме того, само соотношение неопределённостей Гейзенберга трактуется неправильно[1], ложно (возможно, что по невежеству гуманитариев в вопросах естествознания и ущербности мышления, вследствие чего они не способны описывать явления языком математики тогда, когда это способствует более глубокому пониманию предметной области). В микромире, который описывает квантовая механика, — каждая частица — конечная группа волн (по крайней мере, если изходить из наличия порога чувствительности измерительной аппаратуры). Любой объект обладает волновыми свойствами, поскольку он — волна прежде всего. Тот же объект обладает корпускулярными свойствами, поскольку в его состав входит конечный (в указанном смысле) набор волн. В макромире волна — движущиеся некоторым колебательным образом, изменяющиеся по составу, совокупности частиц, и потому свойства частиц и свойства волн проявляются независимо и взаимно изключающие у разных объектов: т.е. либо волна, либо частица, тело. В микромире — свои законы, которые обусловливают законы макромира.

Кроме того, по отношению к частице микромира возможно определение значения и импульса, и координаты, но чем точнее определена одна величина, тем больше ошибка в определении другой. Величины же обеих ошибок связаны *соотношением неопределённостей Гейзенберга*, а не *ахинеей Гумилёва на ту же тему*. В микромире — один способ существования объектов, коему присуще проявление и волновых, и корпускулярных свойств у одних и тех же объектов. К применению соотношения неопределённостей Гейзенберга в физике основания есть, но к применению его “аналога” для разделения сфер биологии и социологии — оснований нет, кроме желания создать иллюзию наукообразия изложения. Но в толковом словаре понятий и терминов, завершающем книгу Л.Н.Гумилёва в упомянутом издании, составитель словаря, — В.Ю.Ермолаев, — утверждает: *«Принцип неопределённости в этнологии — объективное ограничение возможностей исследователя при наблюдении последовательности событий, позволяющее описать их только в одном из двух аспектов: либо в социальном, либо в этническом (природном)».*

Единство же законов бытия не в том, чтобы переносить частные законы из одной области науки в другую, когда вздумается закрыть “объективным” законом неугодный КОМУ-ТО предмет от обсуждения.

Однако для приверженцев «теории пассионарности» это не так, и они вульгаризируют её, извращая понимание истории и перспектив — как своё собственное, так и собираемой ими массовки.

Что касается жизни общества, то в её течении процессы чисто биологические обуславливают течение процессов чисто социальных, а процессы чисто социальные оказывают своё воздействие на течение процессов чисто биологических. И ничто, кроме запретов и предубеждений типа «принципа неопределённости в этнологии» не мешает описывать биологическое и социальное в жизни общества и любой личности во взаимосвязи.

Но если соотношение скоростей течения чисто биологических и чисто социальных процессов объективно изменилось[2], то неизбежно изменение характера жизни общества.

---

[1] В физике действительно есть утверждение, известное как «соотношение неопределённостей Гейзенберга»: неопределённость импульса частицы, умноженная на неопределённость её координаты, равна как минимум 1/2 постоянной Планка. Измерение координат требует времени и сопровождается потерей импульса частицей (импульс — произведение массы и скорости). Вопреки утверждению Л.Н.Гумилёва оба показателя могут быть измерены вместе, но ошибка в измерения каждого из них обусловлена точностью измерения второго.

Как видите, в “вольном пересказе” Л.Н.Гумилёва соотношение неопределённостей Гейзенберга перестало быть самим собой, утратив определённость меры. На экзамене по физике за такую формулировку Л.Н.Гумилёв получил бы «неуд» в любом вузе.

[2] Скорость обновления поколений людей — процесс чисто биологический; скорость обновления прикладных социально значимых знаний и навыков — процесс чисто социальный, но обусловленный тем, что носителем всех социальных процессов является биомасса вида «Человек разумный». О следствиях изменения соотношения скоростей течения биологических и социальных процессов с середины XX века см. в работе ВП СССР “Мёртвая вода”, “Печальное наследие Атлантиды (Троцкизм — это «вчера», но никак не «завтра»)”.

«Теория пассионарности» и интегрировавшее её евразийство этого объективного факта не замечают, а его последствиями не интересуются.

Такая культура мышления евразийцев при интеграции «теории пассионарности» в состав миропонимания евразийства говорит о том, что *«неоевразийство» наших дней* **в России представляет собой явление, обременённое множеством проблем,** *неведомых для его искренних приверженцев,* **вследствие чего приверженность** *евразийству в его исторически сложившемся к настоящему времени виде* **чревата большими бедами в будущем по причинам:**

- неадекватности миропонимания идеологов, вождей-политиков и массовки евразийцев;
- того обстоятельства, что евразийство перестало быть абстрактно-кабинетным, а реально евразийские идеи входят в практическую политику как минимум по умолчанию, т.е. — без афиширования своей приверженности им теми или иными представителями государственной власти и политически активной части общества.

1. Неоевразийство и идеи основоположников евразийства

1.1. Неоевразийство как рекламная кампания — вопрос: чья?

Как сообщает "Независимая газета" № 95 (2405) от 30.05.2001 г.:

«В конце апреля <2001 г. — наше уточнение при цитировании> сторонники евразийских идей учредили на своём съезде Общероссийское политическое общественное движение "Евразия". Как оказалось, разделяют или сочувствуют положениям евразийства люди различных национальностей, общественных групп, религий и конфессий. Председателем политсовета "Евразии" был избран основной докладчик съезда Александр Дугин, давно разрабатывающий евразийские идеи, прежде участвовавший в создании "Единства", а также являвшийся членом политсовета организационного съезда движения "Россия", руководимого Геннадием Селезнёвым».

Это — редакционная преамбула к статье А.Г.Дугина *"ЕВРАЗИЙСТВО: ОТ ФИЛОСОФИИ К ПОЛИТИКЕ. Неоевразийцы перешли на позиции политического центризма"*[1], опубликованной в названном номере "Независимой газеты". Кратко смысл статьи А.Г.Дугина можно передать словами: "Евразийство — это хорошо, а атлантизм — это плохо". Некоторые фрагменты статьи А.Г.Дугина мы приводим ниже в порядке их следования в тексте статьи:

«ЕВРАЗИЙСКАЯ философия выражает основные константы русской истории. В нашей истории были разные периоды. Менялись идеология, модель государственного устройства, место, которое наш народ и наше государство занимали в контексте других народов и государств. Но всегда, от Киевской Руси до нынешней демократической России, пройдя через времена страшного упадка и невероятного взлета (когда влияние нашего государства простиралось на половину мира), Россия сохраняла нечто неизменное. То, без чего не было бы самого понятия "Российское государство", не было бы единства нашего культурного типа.

Философия евразийства стремится охватить и обобщить именно этот вектор. Неизменный, сохраняющий свою внутреннюю сущность и вместе с тем постоянно развивающийся.

Основным принципом евразийской философии является "цветущая сложность". Никогда в истории нашей страны мы не имели моноэтнического государства. Уже на самом раннем этапе русский народ формировался через сочетание славянских и финно-угорских племён. Затем в сложный этнокультурный ансамбль Руси влился мощнейший чингисхановский, татарский импульс. Русские не являются этнической и расовой общностью, имеющей монополию на государственность. Мы существуем как целое благодаря участию в нашем государственном

[1] Интернет-адрес по состоянию на начало августа 2005 г. http://www.ng.ru/ideas/2001-05-30/8_philosophy.html

строительстве многих народов, в том числе мощного тюркского фактора. Именно такой подход лежит в основании философии евразийства.

(…)

Евразийцы утверждали, что у России есть свой собственный путь. И этот путь не совпадает с основным путём западной цивилизации. Россия и Запад — разные цивилизации, они реализуют разные цивилизационные модели, у них разные системы ценностей. Это не пропагандистское клише времён холодной войны. Вся мировая история последнего тысячелетия показывает противоположность “пёстрого” евразийского мира и западной цивилизации. Евразийцы считали, что это противостояние никуда не исчезло и никуда исчезнуть не может. Здесь евразийцы вплотную подошли к основному закону геополитики, утверждающему, что между евразийской метацивилизацией, ядром которой является Россия, и западным атлантическим сообществом изначально существует не снимаемое противоречие.

(…)

Решающий вклад в создание неоевразийской идеологии внесла совпадающая с ней по своим основным ценностным ориентирам российская геополитическая школа, практически созданная (или воссозданная) мной и моими сподвижниками в конце 80-х — начале 90-х годов. Современная геополитика дала неоевразийской философии научный арсенал, рациональную и действенную методологию, актуальность и применимость к реальной политике. Отцы-основатели евразийства исходили из гениальных догадок и интуиций. Благодаря геополитике их наработки приобрели научный характер. Научное изложение евразийской геополитики изменило статус евразийского мировоззрения. Теперь это не только философская идея, это ещё и инструмент стратегического планирования. Ведь практически все сферы нашей внутри- и внешнеполитической деятельности, любые масштабные проекты могут быть в той или иной степени проиндексированы по критерию: “Евразийство это или атлантизм”.

Кроме того, евразийство было обогащено традиционалистской философией и историей религии, так как этот аспект у отцов-основателей евразийства был развит достаточно фрагментарно. Сейчас неоевразийская философия представляет собой стройный историко-религиоведческий аппарат, позволяющий осмыслить и осознать тончайшие нюансы в религиозной жизни различных государств и народов.

В неоевразийстве были развиты и оригинальные экономические модели, представляющие “гетеродоксальную экономическую традицию”, — как бы третий путь между классическим либерализмом и марксизмом. Этот третий путь можно назвать неортодоксальным либерализмом, или неортодоксальным социализмом, как кому нравится. Когда мы обращаемся к отцам-основателям этой гетеродоксальной экономической школы (к Фридриху Листу, Сисмонди, Сильвио Гезеллю, Йозефу Шумпетеру, Густаву Шмоллеру, Франсуа Перру, даже к Кейнсу) и применяем их подходы к современной российской ситуации, мы получаем идеальные модели для решения всех задач, стоящих перед российской экономикой. Трагическим недоразумением следует признать то, что “третий путь” в экономике не сменил марксизм в России в начале 90-х. Вместо этого мы из одной губительной для России догматической ортодоксии (марксистской) перешли к другой не менее губительной догматической ортодоксии (гиперлиберальной).

(…) Причём само по себе евразийство не являлось и не является ни правым, ни левым, ни либеральным, ни социалистическим. Евразийцы готовы поддержать представителей любого идеологического лагеря, защищающих элементы государственности, других евразийских ценностей.

(…)

Евразийство особое внимание уделяет истории религии, межконфессиональным отношениям. Среди евразийцев (и особенно неоевразийцев) наличествуют очень серьёзные и глубокие знатоки основных классических традиционных религий, православия в первую очередь, а также ислама, иудаизма, буддизма. С нашей точки зрения, тонкие материи религии, духа, метафизики, которыми часто пренебрегают при решении экономических и социально-политических задач, играют огромную, подчас решающую роль. Религиозный фактор — не

предрассудок, чудом сохранившийся с древнейших времён. Это активная, глубокая жизненная позиция, формирующая основы человеческой культуры, психологии, социальные и даже хозяйственные рефлексы.

Несмотря на формы прямого уничтожения, прямой агрессии против веры и религии, которая практиковалась в течение долгих десятилетий, никто не смог выжечь веру из сердец представителей евразийских народов: православных, мусульман, иудеев, буддистов. Евразийское благочестие, общеобязательная нравственность — одни из важнейших императивов евразийства. И в этом отношении между различными конфессиями и религиями нет принципиальной разницы в поддержке курса государства на утверждение базовых нравственных критериев.

(…)

Важнейшей вехой в истории неоевразийского мировоззрения в России стал приход к власти Владимира Владимировича Путина. Здесь те евразийские тенденции, которые давно отчаянно стучались в дверь российской власти, как по мановению волшебной палочки, получили санкцию со стороны власти. За год нахождения у власти Путина зеленый свет уже получили практически все евразийские инициативы, накопившиеся за эти годы, начиная с Евразийского экономического сообщества, предложенного Нурсултаном Назарбаевым. В прошлом году Евразийское экономическое сообщество было наконец провозглашено. Решение о его создании подписали главы пяти стран Таможенного союза. Интенсифицировался процесс объединения России с Белоруссией, который, кстати, был инициирован еще при Ельцине Дмитрием Рюриковым, который является членом Центрального совета движения “Евразия”, нашим единомышленником. Сейчас он занимает должность полномочного посла Российской Федерации в Республике Узбекистан.

Постепенно стало очевидным, что нынешнее российское руководство однозначно, хотя и не резко, без рывков (как положено осмотрительным и ответственным политикам) переходит на евразийские позиции.

Подтверждением адекватности нашей оценки эволюции российской власти в евразийском направлении было программное заявление Путина в Брунее на съезде глав стран Тихоокеанского региона. В своём эксклюзивном интервью для интернетовского сайта Strana.Ru Владимир Владимирович сделал чёткое, однозначное заявление: “Россия является евроазиатской страной”. Для тех людей, которые понимают смысл сказанного, это не просто географическая констатация или ничего не значащее проходное утверждение президента. В этой фразе содержится целая программа. И мы — знатоки евразийства, разработчики неоевразийского проекта[1] — прекрасно понимаем, что из этого следует.

Постепенно, шаг за шагом, пусть медленнее, чем нам хотелось бы, но евразийские шаги новым российским руководством делаются. (…) В такой ситуации мы, неоевразийцы, осознаем необходимость окончательного и полного перехода на позиции политического центризма, потому что курс нынешней власти, Центра в основных своих параметрах соответствует выстраданной и выношенной нами системе взглядов. Принципиальные установки эволюции российской власти совпали с установками неоевразийства по основным параметрам.

(…)

Есть несколько направлений, которые способна освоить исключительно евразийская философия. В первую очередь это межнациональные, межконфессиональные конфликты. Их разрешение обычно видят в тихом и мирном сосуществовании людей, прохладных к собственной вере и поэтому безразлично относящихся к вероисповеданию других. Это конъюнктурные пацифисты межконфессионального толка. Они присутствуют на различных круглых столах по утихомириванию межрелигиозных конфликтов. Само по себе это, может быть, и неплохо, но, увы, большого толку от этого, как правило, не бывает. Другая крайность — так называемые фанатики или радикалы, призывающие к жестокому межконфессиональному или межэтниче-

[1] Это — заявление о притязаниях А.Г.Дугина и К^{О} на концептуальную властность, однако жизненно несостоятельное: в силу особенностей как исторически сложившегося «неоевразийства», так и нравственности и организации психики подавляющего большинства его приверженцев — идеологов, вождей, массовки.

скому противостоянию. Это, безусловно, ещё хуже, поскольку наносит сокрушительный удар нашему народу, стравливает между собой силы, которые должны были бы вместе во имя благочестия и веры (у каждого своей) ополчиться на современные, безнравственные, псевдоэтические культурные клише, диктуемые Западом.

Евразийство для решения межконфессиональных проблем предлагает третий путь — диалог активных, глубоко и фундаментально верующих людей (если угодно, фундаменталистов в своих религиозных традициях), стратегический союз созидательных фундаменталистов, как в России, так и шире — в странах СНГ и в мире. Такой подход должен стать новой моделью межконфессионального диалога, основанного на понимании глубин своей собственной традиции и понимании глубин традиций другого народа. Мы как бы объединяем полюса, призываем людей, глубоко и живо переживающих уникальность своей веры, не к слиянию, но к глубинному взаимопониманию и стратегическому альянсу традиций.

(…)

Точно так же на евразийской платформе решаются межэтнические конфликты. Уникальность евразийского подхода заключается в том, что в нем не противопоставляются национализм и интернационализм. Еще отец-основатель классического евразийства князь Трубецкой говорил об общеевразийском национализме, когда самоутверждение каждого народа и каждой нации в составе России поддерживается Центром. Только такой позитивный, созидательный, гармоничный, симфонический (если использовать церковную терминологию) евразийский принцип позволяет решить все возникающие в России межнациональные конфликты».

Как видите, из статьи невозможно понять: *в чём состоит смысл социологических идей евразийства? в чём смысл социологический идей атлантизма? и почему идеи атлантизма для населения России и на уровне разсмотрения жизни индивида, и на уровне разсмотрения жизни народов — плохи и почему идеи евразийства хороши?* — хотя А.Г.Дугин продемонстрировал в цитированной статье свою широкую, но поверхностную образованность и повадки рекламного агента.

Могут последовать возражения в том смысле, что: *“Изучать такую сложную политико-философскую систему как евразийство по статьям в “Независимой газете” — это не дело: надо обращаться к классикам евразийства и читать их работы. Тогда и будет понятно, в чём суть идей евразийства, и почему евразийство для России лучше атлантизма”.*

Такой совет, конечно, дельный. И хотя *большинство читателей “Независимой газеты” наверняка ограничились прочтением статьи А.Г.Дугина,* в отличие от них мы обратимся к работе “Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока” Н.С.Трубецкого, признаваемого и А.Г.Дугиным одним из основоположников евразийства. Но если мы соотнесём содержание работы Н.С.Трубецкого с тем, что пишут и излагают нынешние неоевразийцы России, то увидим, в чём неоевразийство (в том числе и в интерпретации А.Г.Дугина) уклонилось от главного, что было свойственно **изначальному евразийству** — т.е. *во времена его становления как ветви глобальной политики*[1] задолго до того, как идеологи евразийства в 1920-е гг. XX века выявили эту ветвь глобальной политики и описали её.

1.2. Будем вдумчиво читать классика «евразийства» и соотноситься с жизнью

Сначала выскажем кратко основной смысл раздела 1.2 настоящей записки:

То явление, которое получило в первой половине XX века название «евразийство», существует издревле как ветвь глобальной политики со времён ранее Чингиз-хана, который

[1] Поясним термины:

- **Глобальная политика** это — деятельность по осуществлению целей в отношении всего человечества и планеты Земля.
- **Внешняя политика** это — деятельность по осуществлению целей правящего класса государства (в более широком понимании политически активной части общества) вне пределов его территории и юрисдикции;
- **Внутренняя политика** это — деятельность по осуществлению целей правящего класса государства (в более широком понимании политически активной части общества) на его территории в пределах его юрисдикции.

действительно был первым «евразийцем»-практиком[1], однако не оставившим после себя детально разработанной социологической доктрины, на основе которой в её развитии в дальнейшем могло бы развиваться как единое целое созданное им многонациональное государство. И как будет показано далее, само название «евразийство» — ошибочно по отношению к этому политическому явлению, поскольку, если начинать не от Чингиз-хана и его деятельности, а разсматривать различные концепции глобальной политики в их проявлениях, начиная с более глубокой древности, то Чингиз-хан — только один из многих в череде *людей, которые, будучи детьми каждый своей эпохи и региона, в меру своего ощущения Правды Жизни, миропонимания и развития культуры их народов,* противостояли библейскому — *глобальному* — проекту порабощения всех, начало которому положила иерархия посвящённых древнего Египта примерно 3000 лет тому назад.

Т.е. в самом названии «евразийство» выразился *евразийский провинциализм,* **подчинённый** *БИБЛЕЙСКОМУ ГЛОБАЛИЗМУ***.**

Это обусловлено тем, что основоположники *евразийства как социологической теории* были рождены и возпитаны в библейски-православной культуре Российской империи, по какой причине в каких-то аспектах своего мировоззрения и миропонимания они сами были порабощены библейским проектом, смотрели на жизнь через его «призму», вследствие чего не могли о некоторых явлениях судить адекватно.

Тем не менее появление изначального евразийства как социологической теории было шагом вперёд на пути к становлению Русской **концептуальной власти глобальной значимости как явления общенародного**, а не *личностного — малочисленного (по отношению к численности населения).* А вот что касается неоевразийства наших дней — *интерпретаций наследия основоположников евразийства А.Г.Дугиным и К^{О},* то реально это — движение под власть так называемого «атлантизма», осуществляемое однако под лозунгами «евразийской самобытности».

Чтобы сказанное в четырёх предъидущих абзацах не возпринималось голословно, обратимся к взглядам Н.С.Трубецкого. О Киевской Руси и её политических перспективах как самобытного явления Н.С.Трубецкой пишет следующее[2]:

«То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государ-

---

[1] По общепринятой хронологии истории и представлениям о её течении, согласно которым Чингиз-хан по своему произхождению был монголом, а не украинцем, родился около 1155 г., умер в 1227 г. и был основателем империи, в пределы которой путём завоеваний были включены многие государства Евразии, включая и Русь.

Т.е. хронологически сокращённая концепция прошлой истории Н.Г.Фоменко, Г.В.Носовского, А.Бушкова, которые не видят библейского проекта скупки мира на основе расовой иудейской корпоративной монополии на международное ростовщичество как доминанты глобальной политики обозримого исторического прошлого, разценивается нами как очередной культовый миф, назначение которого — скрыть историческую правду подменив её правдоподобием. Тема «новой хронологии» Н.Г.Фоменко и Г.В.Носовского в материалах КОБ обстоятельно разсмотрена в работе ВП СССР "Провидение — не «алгебра»…".

"Однако, есть ещё предположение" (как пел В.С.Высоцкий), но не о Куке, а о Чингиз-хане:

«Сенсационное открытие сделал харьковский учёный-историк Александр Зинухов. В своей книге он утверждает, что знаменитый Чингисхан по произхождению украинец. Чингисхан, умерший в 1227 году, захватил бóльшую часть Азии, завоевав себе репутацию массового убийцы.

Как утверждает историк, мать Чингисхана была славянка, звали её Елена, а отец — еврей по имени Исаак. Родился великий завоеватель, считает учёный, не в Монголии, как это принято считать, а на территории, где теперь находится Украина, где-то между Доном и Днепром, сообщает медиагруппа "Объектив" (http://news.media-objektiv.com/society/2003/9175.shtml).

Кроме того, изучив древние летописи и сказания о Чингисхане, Александр Зинухов сделал вывод о том, что монголы не приходили на Русь в XIII веке, а они отсюда родом. Историк утверждает, что Чингисхан, родившись в хазарских степях, отправился завоевывать Восток, уже став взрослым, а его войска состояли из русских и тюркских воинов» (www.newsru.com — 24.11.2004 г. "Чингисхан родился на территории, где теперь находится Украина": http://www.newsru.com/world/24nov2003/han_print.html).

[2] Здесь и далее работа Н.С.Трубецкого "Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока" цитируется по публикации в интернете по адресу: http://evraz-info.narod.ru/35.htm (по состоянию на начало августа 2005 г.).

ством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством. Киевская Русь была группой княжеств, управляемых князьями варяжской династии и расположенных в бассейне трёх рек, которые почти непрерывной линией соединяют Балтийское море с Чёрным, и начальная летопись совершенно точно определяет географическую сущность этого государства как "путь из Варяг в Греки". Площадь этой Киевской Руси не составляла и двадцатой доли общей площади той России, в которой родились все мы. Киевская Русь не только не была по территории своей тождественна хотя бы с так называемой Европейской Россией, но даже не являлась на территории этой Европейской России самой значительной единицей в политическом или хозяйственном отношении. Государства Хозарское (в низовьях Волги и на Дону) и Болгарское (в среднем течении Волги и по Каме), существовавшие одновременно с Киевскою Русью, были хозяйственно и политически едва ли не значительнее её. Государство (политическое или хозяйственное) на территории Европейской России <в целом>[1] в те времена было невозможно ни для одного из этих осёдлых, привязанных к тому или иному речному бассейну государств, ибо на пути к Чёрному и Каспийскому морям лежала широкая полоса степи, а по ней кочевали воинственные кочевники, которых никто вполне подчинить себе не мог и которые делали невозможным всякое стремление осёдлых государств к господству и расширению. Потому-то из Киевской Руси и не могло развиться никакого мощного государства, и представление о том, будто бы позднейшее русское государство есть продолжение Киевской Руси, в корне неправильно. Киевская Русь не могла ни расширять своей территории, ни увеличивать свою внутреннюю государственную мощь, ибо будучи естественно прикреплена к известной речной системе, она в то же время не могла вполне овладеть всей этой системой до конца; нижняя, самая важная часть этой системы, пролегающая по степи, оставалась всегда под ударами степных кочевников, печенегов, половцев и проч. Киевской Руси оставалось только разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишённые всякого более высокого представления о государственности. Это было неизбежно. Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории. Географически заданием Киевской Руси было осуществление товарообмена между Балтийским и Чёрным морями; задание это в силу указанных выше причин было невыполнимо, и потому Киевская Русь была нежизнеспособна, а всякий нежизнеспособный организм разлагается» (Раздел I).

В этой оценке Н.С.Трубецкой во многом прав: но он прав не в принципе, а применительно к достигнутому к тому времени в Новгородско-Киевской Руси уровню понимания характера течения глобального политического процесса. Если соотноситься с *шестью приоритетами обобщённых средств управления / оружия*[2], то Новгородско-Киевская Русь, не владея средст-

---

[1] Здесь и далее <в угловых скобках> наши пояснения при цитировании.

[2] При взгляде с позиций *достаточно общей теории управления* на жизнь обществ на исторически длительных интервалах времени (сотни и более лет), средствами воздействия на общество, осмысленное применение которых позволяет управлять его жизнью и смертью, являются:

1. Информация мировоззренческого характера, методология, осваивая которую, люди строят — индивидуально и общественно — свои "стандартные автоматизмы" разпознавания и осмысления частных процессов в полноте и целостности Мироздания и определяют в своём восприятии иерархическую упорядоченность их во взаимной вложенности. Она является основой культуры мышления и полноты управленческой деятельности, включая и внутриобщественное полновластие.
2. Информация летописного, хронологического, характера всех отраслей Культуры и всех отраслей Знания. Она позволяет видеть направленность течения процессов и соотносить друг с другом частные отрасли Культуры в целом и отрасли Знания. При владении сообразным Мирозданию мировоззрением, на основе чувства меры, она позволяет выявлять частные процессы, воспринимая "хаотичный" поток фактов и явлений в мировоззренческое "сито" — субъективную человеческую меру разпознавания.
3. Информация факто-описательного характера: описание частных процессов и их взаимосвязей — существо информации третьего приоритета, к которому относятся вероучения религиозных культов, светские идеологии, технологии и фактология всех отраслей науки.
4. Экономические процессы, как средство воздействия, подчиненные чисто информационным средствам воздействия через финансы (деньги), являющиеся предельно обобщённым видом информации экономического характера.
5. Средства геноцида, поражающие не только живущих, но и последующие поколения, уничтожающие генетически обусловленный потенциал освоения и развития ими культурного наследия предков: ядерный шантаж — угроза применения; алкогольный, табачный и прочий наркотический геноцид, пищевые добавки, все эколо-

→→→

вами управления выше шестого приоритета, оказалась в историческом тупике, поскольку характер её государственности был “элитарный”[1]. И соответственно внешнее воздействие того или иного рода, объективно исторически направленное на прекращение тупиковости ситуации, было неизбежным.

Н.С.Трубецкой несколько далее продолжает:

«Одного взгляда на историческую карту достаточно, чтобы убедиться в том, что почти вся территория современного СССР[2] некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. Некоторые части прежней императорской России, присоединённые в послепетровскую эпоху: Финляндия, Польша, Балтийские провинции, — в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как исторической, естественной государственной связи у них с Россией не было. Другие области, случайно не входившие в состав монгольской монархии, но, естественно, по своей географической или этнографической природе связанные с этой монархией и присоединённые к прежней России, удержались в СССР, и если некоторые из них (например, Бессарабия, польские кресы) теперь отторгнуты, то это есть явление временное, и рано или поздно природа возьмёт своё. Присоединение к СССР Хивы и Бухары, сохранявших призрачную самостоятельность при последних русских императорах и провозглашение советской республики в Монголии являются продолжением и укреплением исторической связи России с монархией Чингисхана. На том же пути можно с уверенностью предсказать в будущем и присоединение китайского Туркестана.

Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом.

Однако между Россией и монархией Чингисхана всё же нельзя поставить знака равенства. В монархию великого монгольского завоевателя и его ближайших потомков входила почти вся Азия, а между тем, как бы ни распространялось влияние России на Китай, Персию, Афганистан, все эти страны всё-таки не входят в Россию, и, если бы Россия присоединила их к себе, она изменила бы в корне своё историческое лицо. В исторической преемственности Россия не есть вся монархия Чингисхана, а лишь основное ядро этой монархии. Ядро это определяется особыми географическими признаками, отмежёвывающими его от остальных частей бывшей монгольской монархии» (Раздел II).

Географию этого основного ядра империи чингизидов (потомков Чингиз-хана) Н.С.Трубецкой характеризует так:

«Географически территория России как основного ядра монгольской монархии может быть определена следующей схемой. Существует длинная, более или менее непрерывная полоса безлесных равнин и плоскогорий, тянущаяся почти от Тихого океана до устьев Дуная. Эту по-

---

гические загрязнители, некоторые медикаменты — реальное применение; “генная инженерия” и “биотехнологии” — потенциальная опасность.

6. Прочие средства воздействия, главным образом силового, — оружие в традиционном понимании этого слова, убивающее и калечащее людей, разрушающее и уничтожающее материально-технические объекты цивилизации, вещественные памятники культуры и носители их духа.

Хотя однозначных разграничений между средствами воздействия нет, поскольку многие из них обладают качествами, позволяющими отнести их к разным приоритетам, но приведённая иерархически упорядоченная их классификация позволяет выделить доминирующие факторы воздействия, которые могут применяться в качестве средств управления и, в частности, в качестве средств подавления и уничтожения управленчески-концептуально неприемлемых явлений в жизни общества.

При применении этого набора внутри одной социальной системы это — обобщённые средства управления ею. А при применении их же одной социальной системой (социальной группой) по отношению к другой, при несовпадении концепций управления в них, это — обобщенное оружие, т.е. средства ведения войны, в самом общем понимании этого слова; или же — средства поддержки самоуправления в иной социальной системе, при отсутствии концептуальной несовместимости управления в обеих системах.

Указанный порядок определяет приоритетность названных классов средств воздействия на общество, поскольку изменение состояния общества под воздействием средств высших приоритетов имеет куда большие последствия, чем под воздействием низших, хотя и протекает медленнее и без “шумных эффектов”.

[1] О становлении именно “элитарной” государственности древней Руси в материалах КОБ см. работу ВП СССР “Психологический аспект истории”.

[2] Анализируемая работа написана Н.С.Трубецким в 1926 г.

лосу можно назвать системой степи. С севера она окаймлена широкой полосой лесов, за которой идёт полоса тундр. С юга система степи окаймлена горными хребтами» (Раздел II).

И разсмотрев специфику каждой из областей на этой территории, Н.С.Трубецкой подводит итог:

«Всё это, вместе взятое, позволяет отделять рассматриваемую область от собственно Европы и собственно Азии и считать её особым материком, особой частью света, которую в отличие от Европы и Азии можно назвать Евразией» (Раздел II).

Собственно это его утверждение и дало название «евразийство» одной из социологических доктрин современности, хотя определение Евразии Н.С.Трубецким не совпадает с принятым в географической науке, в которой под Евразией понимается весь континент, включающий Европу и Азию на всём пространстве от Атлантического океана до Тихого[1]. Разсмотрев этнографию выделенной им суб-Евразии (далее мы при необходимости будем пользоваться этим термином, подразумевая *«Евразию» в определении Н.С.Трубецкого*), Н.С.Трубецкой делает вывод:

«Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое. Наличие в этом целом таких разнообразных по своему природному и хозяйственному характеру частей, как леса, степи и горы, и существование между этими частями естественной географической связи позволяет рассматривать всю Евразию как до известной степени самодовлеющую хозяйственную область. Благодаря всему этому Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства.

Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения. С точки зрения древнейших времён путями сообщения могли служить только реки и степи: горы и леса с этой точки зрения были неудобны, а тундра вообще не может идти в расчёт как область слишком неблагоприятная для развития какой бы то ни было человеческой деятельности. Мы уже видели, что системы больших рек на территории Евразии идут большей частью в меридиональном направлении, тогда как система степей проходит через всю Евразию с востока на запад. При этом речных систем много, а система степи в принципе одна. Отсюда следует, что путь сообщения между востоком и западом — один, а путей сообщения между севером и югом — несколько, причем все эти (речные) дороги между югом и севером пересекают и (степную) дорогу между востоком и западом[2]. С точки зрения исторической задачи государственного объединения Евразии отсюда вытекает следующий важный факт: всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определённой части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в её целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи.

Первоначально на территории Езразии наблюдались, с одной стороны, племена и государства речные, с осёдлым бытовым укладом, и, с другой стороны, племена степные, в бытовом отношении кочевнические. Между реками и степью должна была неминуемо завязаться борьба, которая и проходит красной нитью через всю древнейшую историю, притом не только Киевской Руси, но и других речных государств Евразии, например царства Хазарского и Хорезма. Вначале кочевники были не объединены, делились на множество племён, из которых каждое держалось только одного определённого участка степи и только иногда забиралось в со-

[1] Хотя если быть строгим, то к этому массиву суши и его названию следует присоединить и Африку, поскольку Суэцкий канал, отделивший сушу Африки от суши Азии — искусственное сооружение, появившееся относительно недавно и не изменившее принципиально геологии региона.

[2] Н.С.Трубецкой выявил действительно хозяйственно значимый аспект. Даже в наши дни, если посмотреть на карту железных дорог СССР — России, то с запада на восток страны тянется только Транссиб и его разветвления, а реки Сибири — естественные пути сообщения Севера с Югом, хотя в европейской части страны транспортное значение Волги и Днепра во второй половине XX века упало главным образом вследствие развития автотранспорта и сети сухопутных дорог.

седний участок, в каковом случае начиналась борьба между двумя соседними кочевыми племенами. Благодаря этому речные государства могли ещё довольно успешно бороться со степняками. Правда, самоё существование постоянной угрозы кочевнических набегов на осёдлые речные поселения и вечная опасность перерыва торгового сообщения по реке делали невозможным нормальное развитие речных государств. Но государства эти всё же существовали и боролись с кочевниками, хотя и не с полным успехом.

Положение резко изменилось, когда Чингисхан подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил евразийскую степную систему в одно сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Перед такой силой ничто устоять не могло. Все государственные образования на территории Евразии должны были утратить свою самостоятельность и поступить в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, — задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было её выполнить, — объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию» (Раздел II).

Некоторые историки (в частности А.Бушков со ссылками на народовольца Н.Морозова) оспаривают саму возможность объединения кочевников даже в одной Монголии, а не то что во всей степной зоне, под властью Чингиз-хана в «кочевое государство» со строгой организацией и выделением профессионального войска из состава общества, мотивируя это тем, что кочевник — не привязан хозяйством к определённому месту, вследствие чего, если на него «наехать» с какими-либо требованиями типа налогов и воинской повинности, влекущей оторванность от семьи, то он уложит во вьюки свою юрту и откочует со своими родственниками и стадами куда-нибудь на свободные просторы степи, где его претенденту во владыки будет «не достать».

Однако такое представление о возможностях реакции какого-либо кочевого рода на «наезд» подразумевает, что степь как этно-экологическая система не заселена до предела. Такое представление выражает точку зрения представителей осёдлых культур, плотность населения в которых, обусловленная хозяйственной отдачей осёдлого уклада жизни, была гораздо выше, нежели плотность населения в степи, обусловленная кочевым скотоводческим хозяйственным укладом. Поэтому это представление большей частью неадекватно тому, что действительно имело место в степи в древности.

Незаселённость того или иного района степи могла быть исторически краткосрочным эпизодом после каких-либо стихийных бедствий, эпидемий, военного опустошения каких-то территорий набегом других кочевников. Вне такого рода исторически непродолжительных периодов степь была предельно плотно заселена, но по меркам не осёдлого образа жизни, тем более не по меркам наших дней. Поэтому реально откочевать от «наезда» мирно можно было только в степные неудобья, а в нормальные (с точки зрения кочевого скотоводства) регионы степи можно было только вторгнуться, неся истребление их населению.

Второе обстоятельство опровергается биографией самого Чингиз-хана, который в раннем детстве после гибели своего отца остался с братьями на попечении матери. Пока Темучин — будущий Чингиз-хан — не вырос, его мать, он сам и братья жили именно под постоянной угрозой «наездов» со стороны других родов и гибели всего своего рода. И эта угроза не была пустыми страхами, поскольку были и нападения представителей других родов, и от них приходилось защищаться силой оружия и защищать свои стада и лошадей. И вряд ли возпоминания Чингиз-хана об этих аспектах его детства были самыми приятными для него, когда он вырос.

Но то же самое можно было сказать и о представителях других родóв, чья численность, богатство и соответственно — военная сила — не позволяли им самим организовывать набеги на соседей с высокой вероятностью успеха: им тоже приходилось жить под угрозой такого рода набегов. Статистические предопределённости в жизни общества таковы, что к такого рода успешным набегам в одиночку могла быть способна только достаточно малая доля наиболее многочисленных и богатых родóв. Для остальных же родóв, составляющих статистиче-

ское большинство, именно эта склонность сильных родóв к военным захватам и была одной из главных проблем в их *повседневной* жизни.

И Темучин стал Чингиз-ханом потому, что смог организовать древнее кочевое общество на решение проблемы защищённости жизни каждого из множества этнически и культурно единых родóв древнего монгольского общества: ему древнее монгольское общество было обязано внутренним миром и становлением «кочевой государственности».

Но если бы Темучин был по складу своей нравственности и психики в целом «громилой», «хапугой», насильником, — собирателем «банды» с целью хапать, унижать людей и держать всю степь и её население в своём кулаке, то он не стал бы Чингиз-ханом. «Громила» — тем более из бедного малочисленного рода — не смог бы инициировать становление специфической *организованности жизни общества,* т.е. инициировать создание того, что Н.С.Трубецкой назвал «кочевым государством»[1].

Чингиз-хан, проявив целеустремлённую волю, решил проблему социальной защищённости личности и семьи в древнем монгольском обществе: решил её не лично для себя, а для подавляющего большинства монгольского общества, вследствие чего и встретил в нём искреннюю поддержку множества людей, что и открыло возможности к тому, чтобы он состоялся в качестве воителя и основателя громадной империи.

Это — исторический факт, факт не имеющий аналогов ни в последующей истории самой Монголии, ни в жизни других кочевых народов в истории человечества, что приводит некоторых историков к выводу, что *Чингиз-хан и его деятельность в том виде, как их описывает господствующая традиция исторической науки,* — это миф, а реально — это было нечто локальное, мелкое, но раздутое до вселенских масштабов историками последних нескольких веков.

Чингиз-хан по своей психологии не было «громилой», «хапугой» и насильником, каким он представляется в описании жертв его внешней политики, а основоположники евразийства были по всей видимости первыми из людей европейской (по сути — библейской) культуры, кто смог это не только увидеть и понять, но и заявить об этом прямо и открыто всему остальному обществу.

Об уникальности — *в его эпоху — Чингиз-хана как личности, носителя определённого психотипа* — Н.С.Трубецкой пишет так:

«Чингисхан был не только великим завоевателем, он был и великим организатором. Как всякий государственный организатор крупного масштаба, он в своей организационной деятельности руководствовался не только узкопрактическими соображениями текущего момента, но и известными высшими принципами и идеями, соединёнными в стройную систему. Как типичный представитель туранской расы он неспособен был сам ясно формулировать эту систему в отвлечённых философских выражениях[2], но тем не менее ясно чувствовал и сознавал эту систему, был весь проникнут ею, и каждое отдельное его действие, каждый его поступок или приказ логически вытекал из этой системы. По отдельным сохранившимся до нас его из-

---

[1] Также несостоятельны и утверждения о том, что многочисленное войско не могло перемещаться на большие разстояния, поскольку де «авангард» вытоптал бы и опустошил степь, вследствие чего идущие позади него главные силы, «обоз» и «арьергард» вымерли бы от безкормицы в процессе стратегического марш-броска из одного края степи в другой.

Во-первых, войско было обособлено от родóв, которые продолжали жить и вести хозяйство в регионах своего обычного кочевья.

Во-вторых ни у Чингиз-хана, ни у войска не было причин для того, чтобы совершать стратегический марш-бросок плотными, по сути боевыми, порядками. Шли в разрежённых походных порядках так, чтобы проблема вытаптывания и опустошения степи не вставала; шли достаточно медленно для того, чтобы успевать вести разведку и поддерживать конно-эстафетную связь между отрядами и управляемость войска в целом. И только в районе сосредоточения всё войско собиралось воедино. Если в результате этого район сосредоточения оказывался вытоптанным и опустошённым, то это уже значения не имело, поскольку непосредственно из него совершалось вторжение или набег, который сам себя и кормил, а по завершении его также не было никаких причин возвращаться к себе домой — в степь — прежней дорогой, если она действительно была бы опустошена.

[2] Просто в его родной культуре не было для этого ещё оснований.

речениям и по общему характеру всех его установлений мы можем восстановить его систему и дать ей ту теоретическую формулировку, которую сам Чингисхан не дал и дать не мог.

К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену. Когда такой человек подчиняется своему начальнику или господину, то делает это только потому, что сознаёт в этом начальнике известную силу и мощь, способную лишить его благополучия или даже жизни, и трепещет перед этой силой. За своим господином он ничего не видит; он подчинён только лично этому господину в порядке страха, т.е., в сущности, подчинён не господину, а своему страху. Изменяя своему господину или предавая его, такой человек думает тем самым освободиться от того единственного человека, который над ним властвует; но делая это всегда из страха или из материального расчёта, он тем самым остаётся рабом своего страха, своей привязанности к жизни и к материальному благополучию и даже утверждается в рабстве. Такие люди — натуры низменные, подлые, по существу рабские; Чингисхан презирал их и беспощадно уничтожал. На своём завоевательском пути Чингисхану пришлось свергнуть и низложить немало царей, князей и правителей. Почти всегда среди приближённых и вельмож таких правителей находились изменники и предатели, которые своим предательством способствовали победе и успеху Чингисхана. Но никого из этих предателей Чингисхан за их услугу не вознаградил: наоборот, после каждой победы над каким-нибудь царём или правителем великий завоеватель отдавал распоряжение казнить всех тех вельмож и приближённых, которые предали своего господина. Их предательство было признаком их рабской психологии, а людям с такой психологией в царстве Чингисхана места не было. И наоборот, после завоевания каждого нового царства или княжества Чингисхан осыпал наградами и приближал к себе всех тех, которые оставались верными бывшему правителю этой завоёванной страны до самого конца, верными даже тогда, когда их верность была для них явно невыгодна и опасна. Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингисхан и хотел строить свою государственную систему. Люди такого ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах. В сознании их всегда живёт особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти. Уважая самих себя, они уважают и других, хранящих тот же внутренний устав, особенно тех, кто свою стойкую преданность этому уставу уже показал на деле. Преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно и религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором всё имеет свое определённое, божественной волей установленное место, связанное с долгом, с обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуется своему непосредственному начальнику, он повинуется не ему лично, а ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы; в лице своего непосредственного начальника он повинуется ставленнику более высоко стоящего начальника, являющегося в свою очередь ставленником ещё более высокого начальника и т.д., вплоть до верховного земного повелителя, который, однако, мыслится тоже как ставленник, но ставленник не человека, а Бога. Таким образом, человек рас-

сматриваемого типа всё время сознаёт себя как часть известной иерархической системы и подчинён в конечном счёте не человеку, а Богу. Измена и предательство для него психологически невозможны, ибо, изменив своему непосредственному начальнику, он тем самым ещё не освобождается от суда начальников, более высоко стоящих, и, даже изменивши всем земным начальникам, всё-таки не уходит из-под власти суда Божьего, из-под власти божественного закона, живо пребывающего в его сознании. Это сознание невозможности выхода из-под власти сверхчеловеческого, божественного закона, сознание своей естественной и неупразднимой подзаконности сообщает ему стойкость и спокойствие фатализма. Чингисхан сам принадлежал именно к этому типу людей. Даже после того, как он победил всех и вся и сделался неограниченным властелином самого громадного из когда-либо существовавших на земле государств, он продолжал постоянно живо ощущать и сознавать свою полную подчинённость высшей воле и смотреть на себя как на орудие в руках Божиих.

Подразделяя людей на две вышеупомянутые психологические категории, Чингисхан это подразделение ставил во главу угла при своём государственном строительстве. Людей рабской психологии он держал тем, чем только и можно их держать, — материальным благополучием и страхом. Один факт объединения в едином государстве колоссальной территории Евразии и части Азии, обеспечения безопасности евразийских и азиатских караванных путей и упорядочения финансов создавал для жителей монархии Чингисхана такие благоприятные экономические условия, при которых их стремления к материальному благополучию могли получить самое полное удовлетворение. С другой стороны, физическая мощь его непобедимой, не останавливающейся ни перед какими препятствиями и беспрекословно ему повинующейся армии и неумолимая жестокость его карательных мероприятий заставляли трепетать перед ним всех людей, привязанных к своему личному физическому существованию. Таким образом, люди рабской психологии были у Чингисхана в руках. Но этих людей он к правлению не подпускал. Весь военно-административный аппарат составлялся только из людей второго психологического типа, организованных в стройную иерархическую систему, на высшей ступени которой пребывал сам Чингисхан. И если прочие подданные видели в Чингисхане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нём прежде всего наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала.

При конкретизации своей государственной теории, при практическом применении её в реальных условиях завоёванных им стран Чингисхан руководствовался тем убеждением, что люди ценимого им психологического типа имеются главным образом среди кочевников, тогда как осёдлые народы в большинстве своём состоят из людей рабской психологии. И действительно, кочевник по самому существу своему гораздо менее привязан к материальным благам, чем осёдлый горожанин или земледелец» (Раздел III).

И несколько далее Н.С.Трубецкой продолжает:

«Другой важной особенностью Чингисханова государства было положение религии в этом государстве. Будучи лично человеком глубоко религиозным, постоянно ощущая свою личную связь с божеством, Чингисхан считал, что эта религиозность является непременным условием той психической установки, которую он ценил в своих подчинённых. Чтобы бесстрашно и беспрекословно исполнять свой долг, человек должен твёрдо, не теоретически, а интуитивно, всем своим существом верить в то, что его личная судьба, точно так же, как и судьба других людей и всего мира, находится в руках высшего, бесконечно высокого и не подлежащего критике существа; а таким существом может быть только Бог, а не человек.

Дисциплинированный воин, умеющий одинаково хорошо как подчиняться начальнику, так и повелевать подчинённому, никогда не теряя уважения к самому себе, и потому одинаково способный уважать других и вызывать у других уважение к себе, по существу, может быть подвластен только нематериальному, неземному началу, в отличие от рабской натуры, подвластной земному страху, земному благополучию, земному честолюбию. И проникнутый этим сознанием Чингисхан считал ценными для своего государства только людей искренне, внутренне религиозных. Но подходя к религии, в сущности, именно с такой, психологической

точки зрения. Чингисхан не навязывал своим подчинённым какой-либо определённой, догматически и обрядово оформленной религии. Официальной государственной религии в его царстве не было; среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане (несториане). Государственно важно для Чингисхана было только то, чтобы каждый из его верноподданных так или иначе живо ощущал свою полную подчинённость неземному высшему существу, т.е. был религиозен, исповедовал какую-нибудь религию, всё равно какую. В этой широкой веротерпимости известную историческую роль играло то обстоятельство, что сам Чингисхан по своим религиозным убеждениям исповедовал шаманизм, т.е. религию довольно примитивную, догматически совершенно неоформленную и не стремящуюся к прозелитизму. Но следует подчеркнуть, что веротерпимость Чингисхана отнюдь не была проявлением индифферентизма или пассивного безразличия. Безразлично было для Чингисхана только то, к какой именно религии принадлежат его подданные, но принадлежность их к какой бы то ни было религии была для него не безразлична, а, наоборот, первостепенно важна. Поэтому он не просто пассивно терпел в своём государстве разные религии, а активно поддерживал все эти религии. И для государственной системы Чингисхана активная поддержка, утверждение и постановка во главу угла религии были столь же важны и существенны, как утверждение кочевого быта и передача власти в руки кочевников.

Итак, согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определённую официальную религию, а на определённый психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоёв народа[1]; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше (выделено нами при цитировании)» (Раздел III).

Тем не менее, есть известные факты об отношении Чингиз-хана к разным людям, и есть интерпретации этих фактов историками и философами. Что касается фактов, то они — историческая данность, отражённая в дошедших до наших дней свидетельствах очевидцев и в пересказе современников событий; а что касается интерпретаций, то они — обусловлены субъективизмом миропонимания интерпретаторов. Последнее касается и того, что пишет Н.С.Трубецкой. Как можно понять из того, что он пишет, главное в практическом «евразийстве» Чингиз-хана — в проводимой им внутренней, внешней и по существу глобальной политике — было то, что:

> Его лучшие действия искренне выражали нравственно обусловленную целесообразность, проистекающую *непосредственно* из его личного религиозного чувства.

Когда он этому следовал искренне, то достигал успеха; а в тех случаях, когда следовать искренности ему оказывалось в силу каких-то личностно-психических причин «слабó», то он пожинал плоды своей слабости и неискренности. Но *он знал по своему личному опыту,* что человек способен быть властен над своей психикой в вопросах выбора и воплощения в дела «искренности — лицемерия», «долга — трусости» и отдавал предпочтение искренности и долгу.

И свою «кадровую политику» (она как общественное явление была, хотя такого термина тогда ещё не было) он строил на том, что старался выявлять людей с организацией психики аналогичной описанной выше. То есть таких:

- Чьи действия всегда искренне выражают нравственно обусловленную целесообразность и осознание долга, проистекающие *непосредственно* из их личного религиозного чувства.

[1] Т.е. исторически сложившийся к тому времени толпо-“элитаризм” для Чингиз-хана очевидной самоценности не представлял.

- **И кто на этой основе способен к целесообразной самодисциплине и не нуждается в принуждении к соблюдению определённой дисциплины средствами «кнута и пряника».**

Но ни один человек не может быть свободен от воздействия исторически сложившейся культуры того общества, в котором он был зачат, рождён, вырос и живёт. А в ту эпоху это означало, что *вера Богу в неразрывном единстве религии и жизни человека вне догматов и ритуалов той или иной традиции вероисповедания* как общественные явления — не существовали. При этом в поддерживаемой всяким толпо-“элитарным” обществом традиции вероисповедания знание догматики, вероучения, соблюдение обрядности может сочетаться в жизни той или иной определённой личности с беззастенчивым неверием Богу, лицемерием, безволием, *заглушенностью религиозного чувства и игнорированием его и прочими пороками.*

Чингиз-хан некоторым образом осознавал свою жизненную миссию организатора и руководителя, хотя возможно и не понимал её глобальной стратегической исторической значимости для будущего всего человечества. Принимая современность как объективную *Богом данность,* он вынужденно искал людей, *которые несли описанный выше психотип как таковой под наслоением тех или иных традиций культуры и вероисповедания,* для того, чтобы они стали его сподвижниками во всей системе осуществления общественного самоуправления.

Но и для Н.С.Трубецкого (как и для многих наших современников, а не только далёких предков) *вера, традиция вероисповедания, религия* — это синонимы, более или менее равноправно заменяющие друг друга. Поэтому, хотя он и вышел на понимание своеобразия психотипа, которому Чингиз-хан следовал в своей жизни и носителей которого он признавал во всех обществах людьми достойными, независимо от культуры и судеб их народов и государств (многие из которых пали жертвой его политики), Н.С.Трубецкой не смог показать жизненную состоятельность этого психотипа как такового — *вне исторически сложившихся культур и традиций вероисповедания.*

> Вследствие этого приверженцы «евразийства» не заметили либо не придали должного значения принципам кадровой политики Чингиз-хана в деле формирования корпуса управленцев, которые и отличали его государственное строительство от всех других государств, известных истории, разве что за исключением *СССР в эпоху И.В.Сталина*[1] *(в которую боролись две тенденции — мафиозно-корпоративного властвования над обществом и равенства человечного достоинства людей в жизни вообще и в общественном самоуправлении, в частности).*

В наши дни в Концепции общественной безопасности этот психотип выявлен и показан как таковой[2]. В КОБ этот психотип именуется — *человечный тип строя психики.* Но кроме него есть и другие типы строя психики. Это поясним.

Всякая взрослая особь биологического вида «Человек разумный» может быть носителем одного из четырёх более или менее устойчивых в течение жизни типов строя психики:

- **Животный тип строя психики** — когда всё поведение особи подчинено инстинктам и удовлетворению инстинктивных потребностей, *не взирая на обстоятельства.*
- **Строй психики биоробота, «зомби»** — когда в основе поведения лежат культурно обусловленные автоматизмы, а внутренний психологический конфликт «инстинкты — куль-

---

[1] Один из гуманстов-абстракционистов — Н.И.Бухарин, субъект, проявивший себя в партии большевиков как лицемер (политкорректно выражаясь, — как “конспиратор”) и интриган, — чуя это, охарактеризовал И.В.Сталина словами: “Чингиз-хан с телефоном”. Это определение, судя по всему, понравилось и запомнилось Л.Д. Троцкому, который привёл его в своей книге “Сталин”, т.1.

[2] См. работы ВП СССР “От человекообразия к человечности” (в первой редакции “От матриархата к человечности”, “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”, “От корпоративности под покровом идей к соборности в Богодержавии”, “Печальное наследие Атлантиды” (Троцкизм — это «вчера», но никак не «завтра»), “Принципы кадровой политики: государства, «антигосударства», общественной инициативы” (бóльшая часть этой работы включена в качестве приложения в постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики — процессов управления С-Петербургского государственного университета “Достаточно общая теория управления”).

турно обусловленные автоматизмы» в поведенческих ситуациях в большинстве случаев разрешается в пользу культурно обусловленных автоматизмов. Но если изменяющиеся общественно-исторические обстоятельства требуют отказаться от традиционных в той или иной культуре норм поведения и выработать новые, то «зомби» отдаёт предпочтение сложившейся традиции и отказывается от возможности творчества.

- **Демонический строй психики** характеризуется тем, что его носители способны к творчеству и волевым порядком могут переступить и через диктат инстинктов, и через исторически сложившиеся нормы культуры, вырабатывая новые способы поведения и разрешения проблем, возникающих в их личной жизни и в жизни обществ. Будет ли это добром или злом в житейском понимании этих явлений окружающими — зависит от их реальной нравственности. Обретая ту или иную власть в обществе, демонизм требует безоговорочного служения себе, порождая самые жестокие и изощрённые формы подавления окружающих. Один из наиболее изощрённых вариантов проявления принуждения окружающих к добродетельности, в качестве образца поведения привёл Ф.М.Достоевский в “Селе Степанчиково и его обитателях” (Фома).
- **Человечный строй психики** характеризуется тем, что каждый его носитель осознаёт миссию человека — быть наместником Божиим на Земле. Соответственно этому обстоятельству он выстраивает свои личностные взаимоотношения с Богом по Жизни и осмысленно, волевым порядком искренне способствует осуществлению Божиего Промысла так, как это чувствует и понимает. Обратные связи (в смысле указания на его ошибки) замыкаются Свыше тем, что человек оказывается в тех или иных обстоятельствах, соответствующих смыслу его молитв и намерений. Иными словами, **Бог говорит с людьми языком жизненных обстоятельств** *и в этом состоит нравственно-этическое доказательство Им Своего бытия, даваемое им на веру каждому, кто того пожелает*. Т.е. для человечного строя психики нормальна — неформальная, внедогматическая и внеритуальная вера Богу по жизни и действие в русле Промысла Божиего по своей доброй воле, т.е. для человека нормально язычество в Единобожии.

Ещё один тип строя психики люди породили сами.

- **Опущенный в противоестественность** строй психики — когда субъект, принадлежащий к биологическому виду «Человек разумный», одурманивает себя разными психотропными веществами: алкоголем, табаком и более тяжёлыми наркотиками наших дней. Это ведёт к противоестественному искажению характера физиологии организма как в аспекте обмена веществ, так и в аспекте *физиологии биопóля,* что имеет следствием множественные и разнообразные нарушения психической деятельности *во всех её аспектах (начиная от работы органов чувств и кончая интеллектом и волепроявлением)*, характерных для типов строя психики животного, зомби, демонического (носители человечного типа строя психики не одурманивают себя). Так человекообразный субъект становится носителем организации психики, которой нет естественного места в биосфере, и по качеству своего *не отвечающего складывающимся обстоятельствам поведения* **оказывается худшим из животных**[1]. И за это нарушение им самим предопределённого для него статуса в биосфере Земли он неотвратимо получает воздаяние по Жизни.

---

[1] Худшим из животных — в том смысле, что человек принадлежит к биосфере, а именно — к фауне. И поскольку в биосфере как в системе всё функционально, то носители опущенного типа строя психики, не исполняющие своего предназначения, — худшие представители фауны. Чарльз Дарвин некогда сказал: “Обезьяна, однажды опьянев от бренди, никогда к нему больше не притронется. И в этом обезьяна значительно умнее большинства людей» (приведено по публикации “Орангутаны — культурное племя” в газете “Известия” от 8 января 2003 г. Интернет-адрес: http://www.izvestia.ru/science/article28471. В материалах Концепции общественной безопасности эта статья приводится полностью в аналитических записках 2004 г., посвящённых анализу учебника «обществознания» под редакцией академика РАО Л.Н.Боголюбова).

Однако Дарвин говорил об обезьяне, которой на психику не давят. Если же это условие не выполняется, то человек способен приучить домашних животных к чему угодно: в том числе и к алкоголизму, поскольку при совместном проживании, именно хозяин-кормилец воспринимается домашними животными в качестве вожака стаи, который предписывает им образцы поведения.

Собственно из того, что сам Чингиз-хан стремился поддерживать в себе человечный тип строя психики (насколько чувствовал и осознавал его отличие ото всех прочих) и в своей деятельности опирался на людей, стремящихся к этому же личностному качеству, и следует то, что термин «евразийство» — ошибочен, поскольку быть человеком — носителем человечного типа строя психики — право и обязанность каждого представителя вида «Человек разумный» вне зависимости от пола, расы, этнической принадлежности, места жительства, социального статуса и профессиональной принадлежности в жизни.

И нормально развивающееся общество (при всех его проблемах и накопленных ошибках исторического развития) признаёт право на власть не за теми, кто сильнее, жёстче, изощрённее в интригах, а за теми, кого признаёт более праведными и этически безупречными.

А характеризовать нравственно-психологические основы и особенности политики терминами географии — это если не ошибка самих основоположников «евразийства» как политико-философской системы, то ошибка массы приверженцев «евразийства», которая не позволяет им продолжить ту глобальную политику, в русле которой действовал Чингиз-хан как «евразиец»-практик без опоры на какие-либо политико-философские доктрины.

Однако с ошибочным по существу названием «евразийство» социологическая доктрина, одним из основоположников которой был Н.С.Трубецкой, вошла в историю культуры. И это имеет свои следствия, главными из которых является кризис развития самой теоретической системы «евразийства» и замедление общественного развития на пути к становлению культуры, в которой человечный тип строя психики признаётся единственно нормальным для всякого человека, начиная с юности, и устойчиво возпроизводится в преемственности поколений (разве что за малочисленными исключениями).

Но именно об этих особенностях *«евразийства» Чингиз-хана,* о глобальных политических выводах и следствиях *из него, главное из которых — обязанность власти быть праведной и действовать в русле Промысла Божиего,* — в писаниях неоевразийцев — ни слова.

Разговоры о нравственности, предписываемые традиционными вероучениями, которые исповедуют народы России; разговоры о межконфессиональном диалоге[1] и т.п. в политической субкультуре «неоевразийства» — это пустой трёп, поскольку разные вероучения несут разные социологические доктрины, для поддержания которых предписывают в качестве нормы и определённую нравственность. Как показывает сопоставительный анализ социологических доктрин и соответствующих им норм нравственности исторически сложившихся традиций вероисповедания в материалах КОБ[2], социальные доктрины и нравственность, не декларируемая, а реально формируемая разными исторически сложившимися вероучениями далеко не во всём совместимы друг с другом, и в подавляющем большинстве случаев направлены на то, чтобы обезпечить господство одних людей над другими от имени Бога. Всякое выявление такого рода фактов, фактов несовпадения деклараций и *умолчаний, которые реально оказываются более властными над течением событий в жизни, чем декларации о благонамеренности,* ставит приверженца любой исторически сложившейся конфессии перед вопросами о том, как и в

[1] Ещё раз приведём фрагмент из статьи А.Г.Дугина: «Евразийство для решения межконфессиональных проблем предлагает третий путь — диалог активных, глубоко и фундаментально верующих людей (если угодно, фундаменталистов в своих религиозных традициях), стратегический союз созидательных фундаменталистов, как в России, так и шире — в странах СНГ и в мире. Такой подход должен стать новой моделью межконфессионального диалога, основанного на понимании глубин своей собственной традиции и понимании глубин традиций другого народа».

[2] См. работы ВП СССР “Вопросы митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну и иерархии Русской православной церкви”, “К Богодержавию…”, “«Мастер и Маргарита»: гимн демонизму? либо Евангелие беззаветной веры”, “Суфизм и масонство: в чём разница”, “Синайский «турпоход»”, “Вера и мера”, “Почему, призывая к Богодержавию, Внутренний Предиктор не приемлет «Последний Завет»”, “Приди на помощь моему неверью…(О дианетике и саентологии по существу), “Нам нужна иная школа”.

чью пользу разрешать такие противоречия. И как показывает практика, люди с рабской психологией, не верующие Богу по жизни, такого рода вопросов боятся, вследствие чего к выработке и принятию адекватных Промыслу Божиему решений оказываются не способными.

Во времена Чингиз-хана перед ним эта проблема во всей её остроте не вставала. И потому, чуя различия психотипов, он мог поддерживать в своём царстве все исторически сложившиеся конфессии как социальные явления, и опираться на тех их представителей, которые несли приемлемый ему нерабский психотип.

Неоевразийцы же — в иных исторических условиях, когда вопрос о том: *Что истинно в исторически сложившихся вероучениях, а что представляет собой отсебятину «мировой закулисы» и выражение нравственной неразборчивости наших предков?* — встал как никогда остро, пытаются уйти от него и навязать всем позицию худшую из худших: под видом конструктивного диалога уйти от выяснения вопроса о том, кто и в чём не прав, и что следует сделать для того, чтобы объединиться в Правде, освободившись от ошибок и заблуждений прошлых эпох. По умолчанию предлагается договориться о списке запретных тем, которые трогать не следует для того, чтобы не возбуждать оппонентов на активное противодействие. По существу это — выражение рабского типа строя психики, который так не нравился первому «евразийцу»-практику — Чингиз-хану, — что *его носителей он и за людей едва ли признавал.*

Если бы это было не так, то писания неоевразийцев были полны не разговоров о том, что все традиционные вероучения предписывают быть нравственными, а вопросами о том, что есть Правда-Истина во всех случаях, когда разные вероучения разногласят по одним и тем же вопросам, и когда выявляется, что информация присутствующая в них по умолчанию, отрицает и оказывается более властной, нежели их декларации о праведности (информация по оглашению).

То, что сказано в предшествующем абзаце — не гипотетический абстракционизм, а выстрадано всею прошлой историей России и выявлено в материалах КОБ, упомянутых в первой сноске выше по тексту.

Это всё и даёт основания к тому, чтобы причислить А.Г.Дугина и К^{О} к числу извратителей того «евразийства», которое Чингиз-хан осуществлял на практике без каких-либо теоретико-социологических обоснований, и которое впервые теоретически описали основоположники «евразийства» как социологической теории, и в частности — Н.С.Трубецкой.

Однако без принципов кадровой политики, которым следовал Чингиз-хан, но в понимании её на основе нашей культуры (при достигнутом в ней миропонимании) «неоевразийство» А.Г.Дугина и К^{О} не только нравственно-психологически неотличимо от порицаемого ими «атлантизма», а по существу — *библейского проекта порабощения всех на основе недопущения перехода глобальной и региональных цивилизаций к культуре, устойчиво возпроизводящей человечный тип строя психики в преемственности поколений и развивающейся на этой основе; но более того,* — но представляет собой ветвь «атлантизма», однако действующую под лозунгами «евразийской» региональной самобытности.

Но этого не заметил и Н.С.Трубецкой, вследствие чего сам же и открыл таким как А.Г.Дугин нравственно-психологическим типам дорогу в политиканство на основе политико-философской системы, получившей название «евразийство». Н.С.Трубецкой далее в анализируемой нами работе пишет следующее (комментарии в сносках наши):

«Русским историкам стоит только отрешиться от своего предвзятого и нелепого игнорирования факта принадлежности России к монгольскому государству, взглянуть на историю России под иным углом зрения, и происхождение целого ряда сторон государственного быта так называемой “Московской Руси” предстанет их глазам в совершенно ином виде. Приобщение России к монгольской государственности, разумеется, не могло быть только внешним и сводиться к простому распространению на Россию системы управления, господствовавшей и в других областях и провинциях монгольской империи; разумеется, должен был быть воспринят Россией до известной степени и самый дух монгольской государственности. Правда, идейные

основы этой государственности[1] со смертью Чингисхана в силу известных причин, о которых речь будет ниже[2], стали постепенно блекнуть и выветриваться; правда и то, что те татарские правители и чиновники, с которыми русским приходилось иметь дело, в большинстве случаев уже далеко не соответствовали идеалам Чингисхана. Но всё же известная идейная традиция в монгольской государственности продолжала жить, и за несовершенством реального воплощения сквозил государственный идеал, идейный замысел великого основателя кочевнического государства[3]. И этот-то сопутствующий монгольской государственности, сквозящий за ней, звучащий в ней, подобно обертону, дух Чингисхана не мог остаться незамеченным и непременно должен был проникнуть в души русских. По сравнению с крайне примитивными представлениями о государственности, господствовавшими в домонгольской удельно-вечевой Руси, монгольская, чингисхановская государственная идея была идеей большой, и величие её не могло не произвести на русских самого сильного впечатления. Итак, в результате татарского ига в России возникло довольно сложное положение. Параллельно с усвоением техники монгольской государственности должно было произойти усвоение самого духа этой государственности, того идейного замысла, который лежал в её основе. Хотя эта государственность со всеми её идейными основами воспринималась как чужая и притом вражеская, тем не менее величие её идеи, особенно по сравнению с примитивной мелочностью удельно-вечевых понятий о государственности, не могло не произвести сильного впечатления, на которое необходимо было так или иначе реагировать. Люди малодушные просто гнули спины и старались лично пристроиться. Но натуры стойкие не могли с этим примириться; небывало интенсивный религиозный подъем и пробуждение национального самосознания, повышенного чувства национального достоинства не позволяло им склоняться перед чужой государственной мощью, перед чужой государственной идеей, "а в то же время эта государственная идея их неотразимо притягивала и проникала в глубину их сознания. Из этой двойственности мучительно необходимо было найти выход. И найти этот выход удалось благодаря повышенной духовной активности, порожденной религиозным подъемом рассматриваемой эпохи.

Путь к выходу был ясен. Татарская государственная идея была неприемлема, поскольку она была чужой и вражеской. Но это была великая идея, обладающая неотразимой притягательной силой. Следовательно, надо было во что бы то ни стало упразднить её неприемлемость, состоящую в её чуждости и враждебности; другими словами, надо было отделить её от её монгольства, связать её с православием и объявить её своей, русской. **Выполняя это задание, русская национальная мысль обратилась к византийским государственным идеям[4] и традициям и в них нашла материал, пригодный для оправославления и обрусения государственности монгольской. Этим задача была разрешена. Потускневшие и выветрившиеся в процессе своего реального воплощения, но всё еще сквозящие за монгольской государственностью, идеи Чингисхана вновь ожили, но уже в совершенно новой, неузнаваемой форме, получив христианско-византийское обоснование** (выделено нами при цитировании). В эти идеи русское сознание вложило всю силу того религиозного горения и национального самоутверждения, которыми отличалась духовная жизнь той эпохи; благодаря этому идея получила небывалую яркость и новизну и в таком виде стала русской. Так совершилось чудо превращения монгольской государственной идеи в государственную идею пра-

---

[1] Здесь Н.С.Трубецкой допустил неточность: не идейные, а нравственно-психические основы государственности, которую строил Чингиз-хан.

[2] Начался процесс “элитаризации” носителей власти, что естественно сначала привело к падению эффективности государственности, а потом к её краху.

[3] Это утверждение — реалистично: политическая практика всегда в большей или меньшей мере расходится с провозглашаемыми идеалами.

[4] «Русская национальная мысль» — видимо Трубецкой подразумевает русскую “элитарную” мысль, потому что народная мысль в самом широком смысле никогда не бывает узко-национальной. А выбор народной мысли диктовался тогда и сейчас соображениями целесообразности, для которой аспект происхождения тех или иных полезных идей (монгольский или византийский) выступал как вторичный тем более, что в реальном «византизме» — в силу специфики истории Византии — никакого доминирующего национального фактора и не было.

вославно-русскую[1]. Чудо это настолько необычайно, что многим хочется просто его отрицать. Но тем не менее это чудо есть факт, и предложенное выше психологическое его толкование даёт ему удовлетворительное объяснение. Следует, во всяком случае, иметь в виду, что с православной Византией Россия была знакома задолго до татарского ига и что во время этого ига величие Византии уже померкло; а между тем византийские государственные идеологи, раньше не имевшие в России никакой особой популярности, заняли центральное место в русском национальном сознании почему-то именно в эпоху татарщины; это ясно доказывает, что причиной прививки этих идеологий в России был вовсе не престиж Византии и что византийские идеологии понадобились только для того, чтобы связать с православием и таким путем сделать своею, русскою, ту монгольскую по своему происхождению государственную идею, с которой Россия столкнулась реально, будучи приобщена к монгольской империи и став одной из её провинций» (раздел IV).

Н.С.Трубецкой, констатирует факты, но не делает вывода о том, что при этом реально византизм, с его изощрённым интриганством и лицемерием, вторгшийся на Русь под видом православного христианства за несколько веков до монголов, поглотил и **опустил до уровня лозунговщины** *идею единого общечеловеческого, т.е. вселенского государства, власть в котором организуется на нравственно-этических принципах, отличных от библейского принципа иерархии* ***изощрённо цивилизованного*** *рабовладения*. И это — вопреки тому, что сам же Н.С.Трубецкой писал, что Чингиз-хан руководствовался определёнными нравственными принципами, угасание которых в монгольской властной “элите” привело к тому, что империя чингизидов впала в кризис и разпалась. Но в бытность Чингиз-хана именно эти принципы в лице Чингиз-хана и *противостояли практически* библейскому проекту порабощения всех.

2. Историческая миссия Чингиз-хана и некоторые вопросы практического гуманизма в истории и в текущей политике

2.1. Всякая ли культура — благо?

В исторической науке и политической философии издревле сложилась традиция, предписывающая оценивать исторические события безальтернативно соответственно «эталонным оценкам», возводимым в ранг абсолютных истин:

- невежество и *дикость как неразвитость культуры* — плохо;
- развитость и дальнейшее развитие культуры — хорошо;
- война, начатая дикостью против культуры, — плохо;
- война, начатая культурой против дикости, — не война и не колонизация, а цивилизаторская миссия, поэтому такая война это — если и не хорошо, то не плохо (или это — вынужденная необходимость, которая стоит вне морально-нравственных оценок[2] поскольку подаётся в качестве объективно неизбежной данности);
- мирное существование и продвижение культуры в область господства дикости это — хорошо.

Однако культура как общественный институт, оказывающий решающее воздействие на статистику формирования типов строя психики взрослого населения, — *в этом её аспекте* не интересна ни исторической науке, ни политической философии. Их более интересуют вопросы быта и политического интриганства в жизни народов прошлого: шмотки, оружие, монеты и отчасти — их исторические хроники.

Но примерно так же мыслили философы и политики «высокоцивилизованных» наций в эпоху Чингиз-хана.

[1] А по сути библейски-православная идея и «византизм» как политика на основе интриганства под покровом трёпа о «симфонии властей» и т.п. окутала идею нравственно-этически обусловленной государственной власти, которую нёс Чингиз-хан.

[2] А равно и революция.

Для них Чингиз-хан был выскочка, монголы были дикарями, и более «высококультурным» соседям представлялось, что в отношении них можно быть высокомерными, можно нарушать подписанные договоры, глумиться над их послами и казнить их по своему усмотрению.

Так вели себя все будущие жертвы политики Чингиз-хана.

Только в ответ на такого рода действия Чингиз-хан начинал войны, которые были мотивированы не захватом добычи и рабов, а именно пресечением высокомерия и лицемерия со стороны соседей. То, что в результате военного разгрома высокомерных и лицемерных правителей государств в руки *воителей за идею (а не завоевателей)* попадала военная добыча, — это сопутствующее обстоятельство, как и то, что победоносная война, сопровождающаяся захватом трофеев и возможностью вседозволенности в отношении побеждённых (как военнопленных, так и гражданского населения на оккупированной территории) пьяняще-развращающе воздействует на многих победителей.

Но история не сохранила ни одного призыва Чингиз-хана в стиле: *«Братва, в этом Хорезме злата-серебра — немерено, девки — во! Работяги там — «лохи», ишачат на «лоха» Хорезм-шаха — так будут на нас ишачить. Айда на Хорезм, а я — во главе! Со мной не пропадёте»*.

История сохранила иную — глобальной значимости — нравственно-этическую, *по существу религиозную мотивацию* политики Чингиз-хана:

«Стремление реализовать идею главенства всеобщих законов на практике, которые по представлению древних монголов были изложены в “Великой ясе”, была предпринята Чингисханом при образовании своей империи. За соблюдением этих законов были поставлены присматривать специальные люди — судьи «яргучи» и верховный прокурор «Хранитель Ясы». Причём сила нового Закона, считалось, была так велика, что даже сам хан не имел права его нарушить. Именно на Курултае 1206 года, во время провозглашения его ханом всех монгольских племён, **Чингисхан провозгласил также великую мессианскую идею своего правления — установление всеобщего мира и порядка по всей Великой степи и во всём мире, защиту обиженным и справедливое наказание всем виновным в нарушении Законов Вечного Синего Неба** (выделено нами при цитировании[1]). Такое представление о должном (идеальном устройстве человеческих отношений), как подчёркивают историки востоковеды, было характерно для мировосприятия его рода Борджигин, воспитанного на митраизме, где идеи строгого соблюдения Закона и установления миропорядка во Вселенной были главными человеческими ценностями, а главное божество — Митра, прежде всего являлось гарантом сохранения единых для всех законов взаимоотношений и контролёром за этим» (“Идеи всеединства от древности до 19 века” — анонимная публикация в интернете по адресу http://alpast.narod.ru/refer.html).[2]

Отсюда и требование безоговорочного подчинения, выдвигаемое будущим жертвам политики Чингиз-хана, и оценка отказа от подчинения как противление Промыслу в его выражении Чингиз-ханом, влекущая за собой действия монголов в пределах полноты Божиего попущения.[3]

Может возникнуть вопрос: *Почему именно «дикие» монголы оказались отзывчивы к голосу Вечного Синего Неба?* Ответ на него по сути аналогичен тому эффекту «антенного поля», о котором речь идёт в работе ВП СССР “Психологический аспект истории”, но в иной природно-географической и этно-культурной локализации:

[1] В СССР троцкизм пытался эксплуатировать этот же нравственный идеал, а большевизм под руководством И.В.Сталина ему следовал искренне.

[2] Работа интересная, но к сожалению, текст обрывается на незаконченной фразе, по всей видимости вследствие каких-то технических ошибок.

[3] Это по сути аналогично джихаду Мухаммада против отвергающих его как посланника Божиего ко всем людям и препятствующих его деятельности.

«В технике известно, что качество изображения, которое может «нарисовать» оптическая система или радиотелескоп, во многом определяются их размерами. Так если на определённой волне работает радиотелескоп, диаметр зеркала антенны которого 50 метров, то это одно качество; а если радиотелескоп это — «антенное поле» протяжённостью в несколько километров в обоих направлениях, и тем более — несколько радиотелескопов, разположенных на разстоянии многих десятков и сотен километров друг от друга, и работающих синхронно в одной системе, то это уже другое качество, намного превосходящее качество радиотелескопа с диаметром зеркала антенны в 50 метров *и при прочих равных в принципе недостижимое для него.* И в школьный телескоп с диаметром объектива в 60 мм в принципе невозможно увидеть того, что позволяет увидеть телескоп-рефлектор с зеркалом диаметром 6 м.[1] А ночью и в простой бинокль видно лучше, чем невооружённым взглядом потому, что линзы его объективов диаметром в несколько сантиметров собирают многократно больше света, чем зрачок глаза, диаметром в несколько миллиметров.

Человеческий организм — включает в себя множество биологических — биополевых «антенных комплексов». И как известно из этнографии, конечно если этнографы не зашорены вульгарными *механико*-материалистическими представлениями о том, что «этого не может быть», представители так называемых примитивных реликтовых культур более развиты в области «паранормальных способностей» — таких, как телепатия, ясновидение и т.п., нежели представители технически продвинутых культур «высокой цивилизованности», поскольку получать информацию о родственниках и близких, находящихся в отлучке по хозяйственной или военной надобности, о своём собственном местоположении на местности и т.п. жизненные потребности у них есть, а ни почты, ни телеграфа с телефоном, ни спутниковой системы навигации с выводом карты и координат на дисплей мобильника или ноутбука — нет. В древности, о которой мы ведём речь, их тоже не было (их ещё не изобрели), а потребности знать — были, и эти потребности некоторым образом реализовывались на биологической основе организма человека и его психики как системы обработки информации[2]. И хотя у всех людей есть нечто биологически общее, но всё же общность культуры — это ещё один фактор, дополнительный по отношению к биологии, который связывает воедино множество индивидов.

И если возвращаться от биологии человека, этнографии реликтовых культур и ранее приведённых технических аналогий к жизни наших предков на Восточно-Европейской равнине в древности (а это правомерно в силу единства законов физики, касающихся излучения и взаимодействия излучаемых полей и других видов материи), то *биоценозы Восточно-Европейской равнины + наши предки, разпространившие на огромной территории единую общую для них культуру, гармонично взаимодействующую с устойчивыми биоценозами и устойчивую в преемственности поколений, представляли собой БИОСИСТЕМУ,* которой не было и нет в мире аналогов[3] — ни в аспекте продуктивности биоценозов в разсчёте на одного человека, ни в аспекте стратегической фортификационной эффективности самих ландшафтов в качестве средств защиты от набегов извне, ни в аспекте *размеров биополевого «антенного поля»[4], образуемого населением.*

[1] Те, кто знаком с фотоискусством, знают, что фотографическое изображение, напечатанное с кадра плёночного фотоаппарата размером 24×36 мм, по количеству мелких деталей и их прорисовке (при композиционной идентичности обоих кадров) всегда проигрывает фотографии, сделанной широкоплёночным аппаратом с форматом кадра 60×60 мм, и тем более — негативу на пластинке (или плоской плёнке) форматом 18×24 см при одинаковой разрешающей способности объективов фотоаппаратов.

[2] От тех случаев, когда они не реализовывались на биологической основе, идёт идиома «не знал ни сном, ни духом». Мы же живём в такой культуре, что когда эти потребности реализуются на биологической основе самого человека, то многие изумляются этому как какому-то сверхъестественному чуду.

[3] Что-то аналогичное могло бы возникнуть в Северной Америке, но не возникло. Почему? — вопрос особый, для ответа на который надо изучать легенды североамериканских индейцев и возпринять в себя всю ту прошлую действительность жизни на Северо-Американском континенте, что стоит за повествованиями дошедших до наших дней издревле индейских сказаний.

[4] Взгляните на карту и прикиньте, сколько Англий поместится на Восточно-Европейской равнине? Из регионов становления древних цивилизаций по размерам с нею сопоставимы только:

→→→

Последнее и есть самое интересное, и потому особый вопрос:

К какой информации открывало доступ это огромное «антенное поле» и в какие информационные потоки и алгоритмы — земные и космические — с его помощью могли входить его участники. Т.е. какое мироощущение порождало в индивиде это «антенное поле», участником которого он был» (“Психологический аспект истории”)**.**

Но это, хотя и со своей спецификой, касается и монголов — как древних, так и наших современников, поскольку образ жизни большинства населения Монголии во многом сохранил то, что было свойственно ему в древности. Природно-географические условия Монголии, их определённая контрастность по отношению к условиям окружающих регионов, и единообразие культуры населения на её территории, по площади равной всей центральной и западной Европе, способствовали тому, чтобы этот же эффект «биоантенного поля» проявился и в ней: жизнь населения в ладу с биоценозами, отсутствие *собственных шумов* городской суеты, плюс к этому конструкция общепринятого у кочевников жилища — юрты как своеобразного резонатора торсионных полей. Так что они вполне могли возпринимать те потоки информации, к которым были глухи их более «высокоцивилизованные» соседи.

Успех Чингиз-хана был обусловлен тем, что он чуял нечто из того, что в КОБ отнесено к средствам управления / оружия первого приоритета и пользовался этим. Но историки, не имея представления и не задумываясь о характере обобщённых средств управления / оружия выше четвёртого[1], видят в деятельности Чингиз-хана только применение военной силы (шестой приоритет) и сопутствующие этому социальные бедствия.

Но если не спорить о том, каково «истинное имя» Всевышнего Бога[2], то Чингиз-хан выражал намерение, чтобы люди — всё человечество — жили в ладу с Всевышним Богом, Творцом и Вседержителем, но при этом он не заботился о формализации личностной религии каждого из людей в обществе, предоставляя возможность каждому из людей решить этот вопрос по совести.

И прежде, чем, например, Хорезм был покорён и его исторически сложившая государственность перестала существовать, а развитие толпо-“элитарной” культуры было пресечено, — в одной из его провинций по инициативе местной власти разграбили торговый караван Чингиз-хана, *который следовал транзитом через провинцию на основании ранее достигнутых договорённостей с Хорезм-шахом.* За этим последовала просьба Чингиз-хана, обращённая к Хорезм-шаху, о наказании виновных, чтобы другим не повадно было, — в ответ казнили послов Чингиз-хана… Чингиз-хан начал войну, в результате которой государственность Хорезма перестала существовать, что сопровождалось всеми ужасами победоносной и безпощадной войны…

Приведённая выше традиция оценки исторических событий предписывает считать, что в этом и подобных других случаях погибли не только виновные — Хорезм-шах и правящая “элита” Хорезма, — но и множество якобы «невинного» простонародья, жившего под властью Хорезм-шаха и К^{О}.

Однако традиция не предполагает правомерности вопроса:

- Китай, но в нём более разнообразные природно-географические условия, что *исключало в древности* общность культуры в разных зонах этого региона и, как следствие, — исключало формирование протяжённого биополевого «антенного поля».
- Древний Египет, вытянувшийся узкой полосой вдоль Нила. Поскольку культура была более или менее однородной на севере и юге, его «антенное поле» по одному из линейных размеров сопоставимо с древнерусским доисторическим, но многократно проигрывало ему по площади (т.е. качество сигнала, которое оно было способно принять могло быть только многократно хуже). К тому же и природно-географические условия там были иные, а безопасность населения в вопросе защиты от соседей могла быть обезпечена только военно-техническим паритетом или превосходством, а не природно-географическими факторами.

[1] “Там, где не пройдёт (в смысле не победит) могучее войско, пройдёт (т.е. победит) осёл, навьюченный золотом” — один из афоризмов на тему об осознании большинством историков иерархии приоритетов обобщённых средств управления / оружия. Выше этого историки и политические аналитики не идут.

[2] Коран, сура 7: «180. У Бога прекрасные имена; зовите Его по ним и оставьте тех, которые раскольничают о Его именах. Будет им воздано за то, что они делают!»

"А что же это за "невинное" простонародье, если из поколения в поколение жило под властью зажравшихся мерзавцев и терпело эту власть?"[1]

Традиция не предполагает также ответа и на такой вопрос:

"Это простонародье в его большинстве — либо такие же мерзавцы как и правящая "элита", только менее преуспевшие в конкуренции за внутрисоциальный статус, либо "субъекты", утратившие волю к человеческой жизни, вследствие чего стали просто *более или менее цивилизованными рабами-невольниками — придатками к их рабочему месту и «социальному статусу»*".[2]

И соответственно встаёт ещё два вопроса:

1. А достойно ли человека влачить такое не человеческое по сути существование?

2. Что делать с такими обществами и таким "человечеством"?

Поэтому вопрос о войне «дикости» против «высокой культуры» — не так прост, как его представляют историки и политологи — *представители «высоких культур» толпо-"элитаризма" прошлого и наших дней (тем более — так или иначе пострадавшие от «дикости»),* — подразумевая правильными на него ответы, аналогичные по сути тем, что приведены нами в начале настоящего раздела.

2.2. Пресечение Свыше тупиковых ветвей культуры человечества

Но если хотя бы чувствовать отличие человечного типа строя психики в его жизненных проявлениях от проявлений всех прочих типов строя психики, то приведённые в начале этого раздела оценки «культуры» и «дикости» уже не воспринимаются в качестве абсолютных. Абсолютные же — объективные ответы — предстают обусловленными двумя факторами:

- единством человечества во всём множестве прошедших и будущих поколений перед Богом, предопределившим бытиё людей на Земле и как идеал, и как допускаемые Им до известного Ему срока отклонения людей персонально и обществ в целом от этого идеала;
- качеством «культуры» и качеством «дикости», тенденциями в их развитии по отношению к предопределённому Богом идеалу бытия человечества.

И соответственно при оценке эпохи и политики Чингиз-хана с этих позиций выяснится:

- что будущие жертвы политики Чингиз-хана жили под властью культур, воспроизводивших преимущественно нечеловечные типы строя психики, вследствие чего их общества были толпо-"элитарными" и толпо-"элитаризм" воспроизводился *устойчиво* в преемственности поколений, что весьма далеко от идеала человеческого общежития;
- что древние монголы и прочие степные кочевники не были обременены «высокой» культурой толпо-"элитаризма", вследствие чего были психологически ближе к человечности, нежели будущие жертвы «агрессии» их «дикости» против «высокой культуры» толпо-"элитаризма".

Тем не менее гуманисты-абстракционисты, живущие сиюминутностью, не чуя вечности и не видя в глобальном историческом процессе *иного смысла, кроме как предоставить «пожрать и поиметь побольше в своё удовольствие с наименьшими затратами» как можно большему количеству человекообразных недолюдков,* не могут согласиться с такими оценками и выдвигают возражения на тему поиска возможной альтернативы тому акту *социальной гигиены,* который осуществили в континентальных масштабах Чингиз-хан и чингизиды первого поколения.

---

[1] Этот вопрос актуален и для России наших дней.

[2] А меньшинство, не отвечающее этой характеристике, — Богом хранимо вне зависимости от того, что и как происходит в жизни их общества, поскольку живёт изповеданием и осуществлением Промысла Божиего, а Бог не искореняет на Земле праведность, но поддерживает её.

Но возможности такого рода альтернативы глупо искать в эпоху Чингиз-хана, когда, как говорят любители восточных эзотерических традиций, *«карма созрела» и настала пора получать «кармическое воздаяние».*

Миссии социальной гигиены, которую Чингиз-хан и чингизиды первого поколения осуществили в первой половине XIII века, предшествовало как минимум три мирных просветительских миссии, направленных против осуществления библейского проекта порабощения всех:

- Первая — Откровение Моисею как *упреждающая* альтернатива проекту иерархии посвящённых древнего Египта для начала поработить евреев, а потом — на основе возложенной на иудеев монополии на ростовщичество — скупить весь мир со всем его содержимым.

  — Моисей живым из Синайской пустыни не вышел, оригинал скрижалей был уничтожен, ответственность за это клеветнически была возложена на самого Моисея, Откровение было извращено, отцензурировано и в таком виде вошло в состав идеологического обезпечения проекта скупки мира на основе международной мафиозно-корпоративной монополии иудеев на ростовщичество[1].
- Вторая — Евангелие Христа.

  — Посягнули на имитацию казни и воскресения вероучителя, для того, чтобы возвести его в ранг живого бога среди людей и приспособить его авторитет к нуждам заправил библейского проекта порабощения всех, что однако не состоялось по причине того, что Бог вознёс Христа, упреждая имитацию смертной казни и воскресения. Поскольку тело исчезло, то возникли трудности, и кураторам проекта пришлось импровизировать, разсказывая о воскресении и вознесении. Само же Откровение было сокрыто и подменено вероучением апостола Павла и четырьмя краткими биографическими справками о жизни Христа — так называемыми новозаветными каноническими евангелиями[2]. *Толпо-“элитаризм” начали поддерживать со ссылками на Христа, вопреки всем известным словам Христова Евангелия:*

  > Матфей, гл. 20: «25. Иисус же, подозвав их, сказал: *вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; 26. но между вами да не будет так:* а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; 27. и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; 28. так как Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих».

  И потому ко всем церквям имени Христа может быть обращён его вопрос: «Что вы зовете меня: Господи! Господи! — и не делаете того, что я говорю?» (Лука, 6:46).
- Третья — Кораническое Откровение.

  — Становление коранической культуры встретило неприятие и сопротивление правящей “элиты” древнеарабского общества, которое выразилось в нескольких покушениях на жизнь Мухаммада, экономической блокаде первых мусульман, повлекшей голод и смерть некоторых из них, что и привело к маломасштабной гражданской войне, в которой победили первые мусульмане. Однако и в мусульманской региональной цивилизации “элитарные” амбиции возобладали, под воздействием чего «повелителями правоверных» стали халифы, султаны и короли, а не Бог, вопреки прямому смыслу коранического Откровения:

  > Сура 3: «64. Скажи: “О обладатели писания! Приходите к слову, равному для нас и для вас, чтобы нам не поклоняться никому, кроме Бога, и никого не придавать Ему в

---

[1] В материалах ВП СССР вопросу о становлении исторически реального иудаизма на основе извращения и сокрытия Откровения, данного Моисею, посвящена работы “Синайский турпоход”, “К Богодержавию…”.

[2] Об этом в материалах ВП СССР см. работы “Вопросы митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну и иерархии Русской православной церкви”, “К Богодержавию…”, “«Мастер и Маргарита»: гимн демонизму? либо Евангелие беззаветной веры”, “Вера и мера”.

сотоварищи, и *чтобы одним из нас не обращать других в господ, помимо Бога* выделено курсивом нами при цитировании) (…)».

Как однозначно можно понять из последнего, ответственность за толпо-“элитаризм” и свойственную ему нечеловеческую нравственность и этику культуры Бог возлагает не на тех, кто выбился во властители, а на каждого человека искренне или бездумно поддерживающего толпо-“элитрную” традицию, безучастно или покорно подвластного ей, т.е. — прежде всего — на простонародье.

Принцип равенства людей перед Богом, должен выражаться в этике, господствующей в обществе, как равенство достоинства людей в их взаимоотношениях друг с другом.

А переход к этому идеалу под Божьим водительством и составляет смысл нынешнего этапа истории человечества. Но люди — каждый человек — должны идти к нему осмысленно целесообразно сами.

Так что *заблаговременно упреждающая* альтернатива очистительной политике Чингиз-хана была и не одна: *задолго до того, как будущий воитель родился,* — но, как оказалось, — «не в коня корм»…

2.3. Кто и чьи жертвы

На наш взгляд 1200 лет, разделяющие эпохи Христа и Чингиз-хана, — куда как достаточный срок для того, чтобы неизвращённое Евангелие Христа (а не Библию в её исторически сложившемся виде и библейские культы) донести до сознания древних монголов. Будь осуществлено это — наша эпоха не знала бы Чингиз-хана как великого воителя и разрушителя множества *толпо-“элитарных” «высоких культур», в которых однако нет места человечности, вследствие чего все они зашли в своём историческом развитии в тупики и их бытиё было пресечено*…

Т.е. реально — *при разсмотрении глобальной политики на исторически продолжительном интервале времени в эпоху ранее жизни Чингиз-хана* — неизбежен вывод, что все пострадавшие от его политики пали не жертвами его «дикости», а жертвами их собственного высокомерия, надменности и самодовольства, заглушившего совесть и религиозное чувство.

Человечный тип строя психики подразумевает отказ от построения иерархии личностей *как практическое выражение равенства всех людей перед Богом*.

И сохранились свидетельства того, что Чингиз-хан разделял в своей жизни:

- то, что ныне принято называть «служебные взаимоотношения», в которых иерархия должностного подчинения и ответственность — объективная неизбежность в силу принципов организации управления структурным (директивно-адресным) способном;
- и человеческие взаимоотношения вне исполнения должностных обязанностей, в которых господствующие в обществе нормы вежливости, обусловленные исторически развитием культуры, не должны подменять и затенять живые чувства, взаимное уважение людей и искреннюю заботу людей друг о друге.

Хотя бóльшая часть жизни Чингиз-хана была посвящена исполнению именно должностных обязанностей главы государства, верховного главнокомандующего, а на собственно человеческую жизнь времени у него оставалось не много, но вне исполнения своих должностных обязанностей Чингиз-хан не подавал себя другим людям как первоиерарха, перед которым обязаны преклоняться и стелиться все, а старался поддерживать человеческие отношения *со всеми, кто к этому был способен в силу организации их собственной психики*[1]. В 2005 г. в интернете промелькнуло интересное сообщение:

[1] Один из афоризмов В.О.Ключевского гласит: *«Есть люди, которые становятся скотами, как только с ними начинаешь обращаться по-человечески»*.

«Чингисхан, который снискал себе славу самого могущественного и жестокого варвара в мире, на самом деле был очень образованным человеком, хорошо знавшим философию даосизма. В этом убеждён китайский историк, обнаруживший документ, который свидетельствует, что предводитель монгольских орд умел читать и писать[1].

Развенчивая все предыдущие теории о том, что великий завоеватель XIII века был настолько занят военными походами и грабежами, что у него не было времени на самообразование, академик и профессор университета Внутренней Монголии Тэнгуз Баярын недавно заявил, что он обнаружил эдикт, написанный в 1219 году рукой самого Чингисхана.

Как отмечается в сообщении китайского информационного агентства Синьхуа, академик Баярын сообщил, что указ, который содержится в рукописи, посланной даоскому монаху, свидетельствует о грамотности Чингисхана. «Это оригинальное послание написано на монгольском языке в уникальном стиле и тоне, который мог быть присущ только великому правителю», — говорит Баярын.

До сих пор историки считали, что великий правитель был неграмотным, поскольку монгольский письменный язык был создан, когда Чингисхан был в возрасте 40 лет: у него, мол, уже не было времени учиться.

Чингисхан, родившийся между 1155 и 1167 годами, объединил Монголию и вёл её воинов по пути безжалостных завоеваний. Когда его недолговечная империя достигла наивысшего расцвета, её территория простиралась от Желтого до Средиземного моря.

Но в конце своей жизни Чингисхан заинтересовался вопросами жизни и смерти. Древние китайские рукописи описывают, как в 1220 году великий правитель пригласил в Гиндукуш даоского монаха по имени Чан Чунь и попросил создать для него эликсир жизни.

Профессор Баярын говорит, что в послании, написанном в этот период и адресованном учёному даосу, говорится: «Меня вдохновила ваша речь. Я буду прилежно учиться и повиноваться каждому вашему слову. Я приказал, чтобы мои министры составили учебное руководство по вашим урокам, и я буду читать его лично».

Нет сомнения в том, что интерпретация историка будет горячо приветствоваться в Монголии, где многие носят имя «Чингис» — в честь самого великого сына их страны» (сайт “Азербайджанские известия”: http://www.azerizv.az/article.php?id=290&print=1).

И как свидетельствуют современники, хотя даосский монах и не создал для Чингиз-хана «эликсира безсмертия», а объяснил ему невозможность этого в соответствии с принципами Жизни, Чингиз-хан по-прежнему относился к нему с уважением и был рад общению с ним.

2.4. Исторические последствия миссии Чингиз-хана — всё же благие

Если же перейти к разсмотрению альтернатив глобальной политики в эпохи, более поздние, чем эпоха Чингиз-хана, то в результате толпо-“элитаризации” крещения Руси изначальной весь мир с конца X века оказался под угрозой успешного завершения экспансии библейской концепции порабощения всех, в рамках которой осуществлялась концентрация производительных сил и власти в соответствии с алгоритмом: *цель (якобы благородная[2]) оправдыва**Е**т средства (какие могут быть и грязными).* В результате альтернативный алгоритм объединения человечества — *цель (которая может быть эпизодически ошибкой) оправдыва**Ю**т средства (которые должны быть этически безупречны)* — оказался под угрозой блокировки и нейтрализации.

К тому времени все авраамические вероучения (Моисея, Христа, Мухаммада) уже были извращены заправилами исторически сложившихся религиозных конфессий — иудаизма, христианства и ислама, — которые переиначили изначальные вероучения так, чтобы поддерживать с их помощью власть склонной к паразитизму “элиты” над психологически закрепощённым работающим простонародьем.

[1] А главное — чувствовал Жизнь и умел думать. В наши дни, из числе тех, кто умеет читать и писать, большинство не чует Жизни и не умеет думать: иначе бы человечество не переживало бы глобального социально-биосферно-экологического кризиса.

[2] Мир без войн и преступности в едином глобальном государстве.

Таким образом, межрегиональный конгломерат — тогдашняя равинско-католическая Европа — постепенно включал в себя и в сферу своего влияния всё новые страны и регионы. Агрессия заправил библейского проекта глобализации угрожала в тогдашней перспективе уже и склонным к блоковой системе организации общественного самоуправления[1] Индии и Китаю, подменяя своею ложью Божий Промысел. Соответственно она неизбежно должна была столкнуться с эффективным противодействием, выражающим стратегию Промысла. И эта *миссия — если не остановить, то притормозить продвижение библейской концепции порабощения всех* — выпала на долю молодого монгольского этноса. На сей раз противодействие библейскому проекту в лице Чингиз-хана оказалось жёстким и жестоким. Досталось всем: и “элите”, и “простонародью”, уклонившимся в толпо-“элитаризм”. Не случайно на Западе Чингиз-хан получил имя — «бич Божий», т.е. некоторая часть жертв политики Чингиз-хана уже тогда понимала, что это — воздаяние за уклонение жизни их обществ от Промысла.

Если говорить о продвижении библейской концепции в пределы Русской региональной цивилизации, то можно сказать, что нашествие и разорение (1238 — 1240 гг.), организованное сподвижниками Чингиз-хана и чингизидами первого поколения, продолжавшими его дело, остановило эту агрессию и необратимое порабощение Руси Библией. Скорее всего, сами того не осознавая, последователи Чингиз-хана, хотя и преследовали уже своекорыстно-земные интересы, всё же помогли народам Русской цивилизации сохранить её самобытность и потенциал развития на будущее, привнеся и кое-что своё в развитие культуры Руси.

Если бы не Чингиз-хан, то к концу XX столетия вместо ныне самобытной, развивающейся, *Русской цивилизации Меры* в мире имело бы место безальтернативное противостояние исторически сложившегося ислама и исторически сложившегося христианства, которое, как показывают события начала первого десятилетия XXI века, безальтернативно разрешились бы катастрофически для всей земной цивилизации, поскольку и та, и другая традиция вероисповедания весьма далеко оторвались от их общего Источника.

Сегодня этому есть альтернатива. Во многом благодаря Чингиз-хану и такому развитию событий в XII — XIV веках, экспансия библейской концепции в Китай и Индию также была остановлена, что не позволило завершить *глобализацию по-библейски* к началу первой промышленной революции и тем самым сорвало библейский проект. А так у мира есть шанс мирного преображения в лучшее качество.

За это следует сказать спасибо и Чингиз-хану, хотя он — действительно был «бич Божий».

3. От суб-Евразийского провинциализма и «атлантизма» под вывеской «неоевразийства» к глобализации по-человечески.

Как политико-философская система «неоевразийство» в его исторически сложившемся виде представляет собой пустышку-ловушку для благонамеренных политиков и их массовки.

Этот вывод неизбежен, если искать в «неоевразийстве» *реально действенные средства выявления проблем и средства управления их разрешением в обход катастроф в интересах подавляющего большинства тружеников.* Таких средств в нём нет, и в этом «неоевразийство» аналогично «мраксизму»-ленинизму, хотя в отличие от него действует ныне не на принципах обнажения и обострения межклассовых противоречий, а на принципах замалчивания всех и всяческих противоречий под предлогом их якобы разрешения в будущем и, прежде всего, — противоречий между:

- тем меньшинством, представители которого большей частью паразитируют,
- и тем большинством,

[1] Конгломератная система управления: все компоненты конгломерата управленчески недееспособны, вследствие чего пребывают в зависимости от межрегиональной мафии, осуществляющей управление конгломератом в целом.

Блочная организация предполагает всеобщую управленческую грамотность, вследствие чего полная функция управления блоковой в целом значимости в отношении тех или иных процессов может быть инициирована в любом его регионе в принципе любым человеком и поддержана остальным обществом.

- ➢ на котором преимущественно паразитируют в силу принципов сложившейся социальной организации,
- ➢ и которое само же и поддерживает эту систему высокоцивилизованного рабовладения и паразитизма *своим созидательным трудом, вследствие того, что его представители проявляют безучастность к вопросам социальной организации или полностью недееспособны в сфере управления делами общественной в целом значимости.*

Вместо:

- методологии познания;
- *адекватной жизни психологии* личности, коллективов и обществ;
- достаточно общей теории управления и её прикладных отраслей, которые могут быть освоены всяким чувствующим жизнь и думающим человеком,

— в «неоевразийстве» — только мешанина из обрывков подхваченных его идеологами в разных частях света у разных авторов разных теорий, которые по мнению идеологов «неоевразийства» в каких-то своих аспектах адекватны каким-то аспектам жизни как таковой, вследствие чего и могут якобы быть применены к разрешению проблем *«самобытной России», а при более широком взгляде — ВСЕГО ЛИШЬ суб-Евразийской провинции* глобальной цивилизации.

Такая позиция идеологов, вождей «неоевразийства» и его рядовых приверженцев вполне устраивает «мировую закулису» — кураторов и «атлантистов-мондиалистов», и «неоевразийцев», — *поскольку «неоевразийцы» надеются опереться на те же самые социально-экономические теории и философию, на которые опираются и «атлантисты»:* это видно даже из списка экономистов, чьи работы, как утверждает А.Г.Дугин, «неоевразийцы» смогли интегрировать в свою “гетеродоксальную экономическую традицию”; то же касается и “обогащения” «неоевразийства» “традиционалистской философией и историей религии”.

Против сказанного в отношении некоторых заимствований «неоевразийства» из культур разных народов, могут быть выдвинуты возражения в том смысле, что научное знание объективно, в силу чего оно работоспособно вне зависимости от того, кто были его разработчики, к какой культуре и какому социальному слою они принадлежали, и в какой культуре его намереваются применять. Однако такого рода возражения несостоятельны.

В действительности — объективна Жизнь, а научное знание — это субъективные интерпретации объективного течения разнородных явлений Жизни.

Т.е. научное знание только отчасти объективно, но оно же отчасти и субъективно, т.е. обусловлено:

- прежде всего — личностной культурой чувств, внимания, мышления его разработчиков, которая, в свою очередь обусловлена:
  - ➢ генетически заложенным потенциалом их личностного развития, включающим в себя две составляющие (потенциал развития организма как такового + духовное наследие, т.е. генетически запрограммированное право доступа к информации определенных родовых эгрегоров;
  - ➢ возпитанием в семье;
  - ➢ общим развитием и характером культуры общества и субкультур соответствующих социальных групп.

Вследствие этого научное знание неизбежно несёт в себе некоторые неточности, но может нести в себе и заведомые ошибки. Это одинаково характерно как для естественно-научного знания, так и для гуманитарного, включая и социологическое, с тою лишь особенностью, что субъективизма и его неадекватных Жизни следствий (ошибок и неточностей) в гуманитарном знании и социологии накапливается больше и они более устойчивы в преемственности поколений, нежели в естествознании.

Что касается неточностей, то в одних обстоятельствах применения научного знания результат применения некритичен к ним, а в других обстоятельствах эти же неточности могут снизить качество получаемого с помощью научного знания результата вплоть до полной его неприемлемости. Ошибки же обрекают на заведомый неуспех применения так называемого научного знания.

Пример ошибки, которую «неоевразийство» интегрировало в себя, не заметив этого, мы привели ранее, показав ключевые моменты несостоятельности, начиная со второй половины XX века, применения «теории пассионарности» Л.Н.Гумилёва к задачам этно-политической прогностики.

А вот что касается неточностей, то *неточность и некоторая целесообразность* во многих случаях образуют взаимно дополняющую друг друга пару. В науке это касается, прежде всего, разного рода социологических теорий, которые имеют дело с человеческим субъективизмом и сами выражают человеческий субъективизм. При этом в практической политике неточности и умолчания публичных социологических теорий (политических, экономических, психологических) реально являются средством защиты осуществления целей, достижению которых подчинена деятельность других людей на основе теоретически не формализованных навыков, «ноу-хау» и *других теорий — для более или менее узкого круга лиц,* которые в обществе публично не обсуждаются, но при случае целенаправленно порочатся, осмеиваются или замещаются заведомо вздорными мистификациями[1] (всё это — средства защиты монополии узкого круга лиц на пользование этими теориями).

По отношению к обрывкам экономических теорий, которые идеологи «неоевразийства» понатаскали в свою «политико-философскую» систему, сказанное означает, что все они предназначены для решения частных задач в русле глобальной политики «атлантизма-мондиализма» и в них нет ничего такого, что могло бы лишить власти заправил библейского проекта порабощения всех над экономикой уже подвластных им регионов планеты и лишить их средств порабощения других регионов, население которых мечтает возпроизвести у себя так называемый «западный образ жизни», его концепцию прав человека и форм государственного правления и ведения бизнеса как основы экономического благополучия[2].

То же касается и интеграции "традиционалистской философии" в «неоевразийство». Все философии можно разделить на два класса:

- Одни прямо задаются вопросом о многовариантной прогностике будущего с целью выбора наиболее предпочтительного варианта для осуществления его в жизни и из них некоторым образом проистекают и *развиваются* в той или иной форме:
  - методология познания Жизни[3] и
  - достаточно общая теория управления[4].
- Другие философии вопрос о предсказуемости тщательно обходят стороной и на некоторое количество более или менее достоверных интуитивных догадок и фактов громоздят тома кабинетного словоблудия, не применимого к выявлению и разрешению реальных проблем общества. О неадекватности Жизни этих философий и их представителей К.Прутков сказал так: *«Философ легко торжествует над будущею и минувшею скорбями, но он же лег-*

---

[1] Наиболее известный пример такого рода замещающей мистификации — пресловутые "Протоколы сионских мудрецов": глобальная концептуальная власть, осуществляющая библейский проект порабощения всех, реально выявляется из анализа фактов исторического процесса; но наряду с этим существуют "Протоколы", мистифицирующие это историко-политическое явление, подложность "Протоколов" в смысле непричастности к ним первого сионистского конгресса в Базеле в 1897 г. доказывалась неоднократно, и это работало на то, чтобы проявление интереса к вопросу о деятельности «мировой закулисы» воспринималось обществом как разновидность психопатического бреда.

[2] В материалах КОБ об этом см. работы ВП СССР "Мёртвая вода", "Краткий курс…", "К пониманию макроэкономики государства и мира" (Тезисы), "«Грыжу» экономики следует «вырезать»", "Форд и Сталин: о том, как жить по человечески".

[3] Представления о ней в КОБ изложены в работе ВП СССР "Диалектика и атеизм: две сути несовместны".

[4] Теория управления *достаточно общая* в том смысле, что её понятийный аппарат и методология позволяют входить во все области деятельности общества и разсматривать возникающие в них задачи как задачи управления и самоуправления.

ко побеждается настоящею[1]*»* (К.Прутков, “Плоды раздумья. Мысли и афоризмы”, № 112).

Публичные философии исторического прошлого России и Запада, а также и разнородный “элитарный” философский «модерн» и «контрмодерн» (включая и «конспирологию» А.Г.Дугина) принадлежат ко второму классу, поскольку не содержат в *себе методологии познания, соответствующей организации психики человека и нормальной для жизни личностной религии.* Это и обрекает «неоевразийцев» на интеграцию в свою политико-философскую систему чужого, обращая их тем самым в «неоеврейцев» … — в смысле специфически запрограммированных зомби, адаптированных к особенностям *«евразийской» (в определении географической локализации Н.С.Трубецким) региональной цивилизации* — проводников библейского проекта порабощения всех.

Соответственно сказанному альтернатива пустышке-ловушке «неоевразийства» должна включать в себя:

- философию, несущую методологию познания, адекватную организации психике человека и его личностной *религии как диалогу по Жизни человека и Бога вне какой-либо догматики и ритуалов;*
- психологию личности и коллективов вплоть до культурно своеобразных обществ и человечества в целом, из которой были бы входы в педагогику (систему образования и самообразования вообще), в психиатрию и в криминалистику;
- достаточно общую теорию управления — достаточно общую в том смысле, что её понятийный аппарат и методология позволяют входить во все области деятельности общества и разсматривать возникающие в них задачи как задачи управления и самоуправления.

Всё это — *в нашем понимании, обусловленном нашим субъективизмом,* — наличествует в Концепции общественной безопасности в редакции ВП СССР, которая представляет собой *открытую для дальнейшего инициативного развития всем и каждым* платформу единения добросовестных людей вне зависимости от их произхождения и социального положения. И соответственно истинное развитие евразийства — это КОБ, а не «неоевразийство».

Внутренний Предиктор СССР
9 — 25 августа 2005 г.

[1] Здесь полезно прямо обратить внимание на ключ к пониманию этого афоризма в двойственности смысла в русском языке слова «настоящее»: это и «настоящее время», т.е. момент «сейчас», и действительное, а не вымышленное событие. «Прошедшая» же и «будущая» скорби в этом афоризме принадлежат к категории субъективных — т.е. вымышленных — представлений философов о свершившейся в прошлом или возможной в будущем реальности, которые могут быть сколь угодно далеки от настоящих, действительно происшедших или объективно возможных событий.